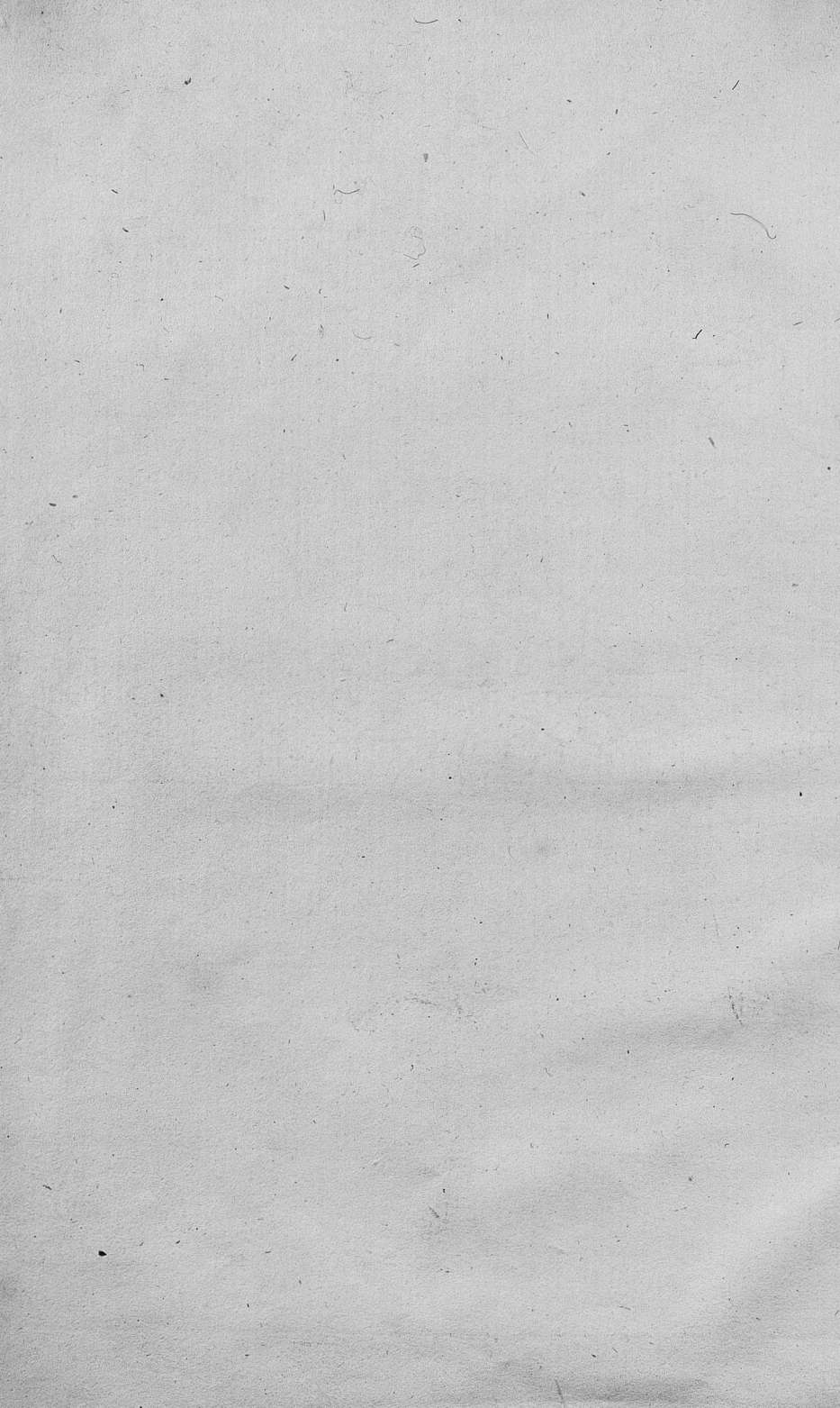

И $\frac{98}{263}$

И.Н. ДУРДОВО

$$\begin{array}{r} 21 \ 98 \\ \hline 263 \end{array}$$

On 263.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СВ. МѢСТАМЪ РУССКИМЪ.

НАТЯЖЕЦЫ

НО

СВ. МЕСТАМЪ РАСКРЫТЫМЪ.

3

4,

И 98
263

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ

РУССКИМЪ.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА, РОСТОВЪ, НОВЫЙ
ІЕРУСАЛИМЪ, ВАЛААМЪ.

Ф. 31-943.

С. П. Б.

Въ типографіи Ш. Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи.

1836.

П А Т Е Н Т

И

СВЯТЫМЪ МРСТАМЪ

Р А С С К А З

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной
Цензуры печатать дозволяется. Января 8-го дня
1836 года.

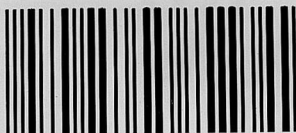
Цензоръ Академіи Инспекторъ

Архимандритъ Платонъ.

ИЗДАТЕЛЬ, ВЛАДЫКА

С. П. Б.

Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи

2007097612

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сіе краткое описаніе нѣкоторыхъ обителей Русскихъ можетъ отчасти служить продолженіемъ моему путешествію ко Святымъ мѣстамъ, потому что въ Палестинѣ возникло во мнѣ желаніе посѣтить ихъ. Помню, какъ смутили меня иноки Іерусалимскіе, когда во время заключенія въ храмъ Св. гроба, они начали спрашивать у меня о Троицкой Лаврѣ, и я долженъ былъ имъ признаться, что хотя родился въ Москвѣ, но никогда не видѣлъ сей родственной святыни, близкой сердцу каждого Русскаго и знаменитой по всѣмъ странамъ. Тогда же далъ я обѣщаніе сходить въ Лавру, по возвращеніи въ отечество, и я уже имѣлъ случай дважды ее посѣтить.

Равнымъ образомъ и Новый Іерусалимъ, который я видѣлъ прежде, нежели былъ на

Востокъ, получилъ для меня тамъ новую занимательность. Посреди храма Воскресенія, мнѣ утѣшительно было рассказывать братіи Палестинской, что и у насъ въ Россіи есть подобіе ихъ великой святыни, и какъ повѣрялъ я мысленно въ древнемъ Іерусалимѣ зданія новаго, такъ пожелалъ я и по моемъ возвращеніи опять на него взглянуть, при свѣжихъ еще впечатлѣніяхъ древняго, чтобы утѣшить сердце священнымъ сходствомъ обоихъ.

Монастырь Валаама, (уже напечатанный прежде въ Библіотекѣ для чтенія 1834 года), хотя и не составляетъ одного цѣлаго съ описаніемъ Лавры и Новаго Іерусалима, но присоединенъ къ нимъ, какъ первый мой опытъ о знаменитыхъ обителяхъ Русскихъ; — если время и обстоятельства позволятъ, я буду стараться описывать самыя любопытныя изъ нихъ, по мѣрѣ посѣщенія, и предлагая сіи начатки, испрашиваю снисхожденія читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Троицкая Лавра	1
Ростовъ	67
Новый Іерусалимъ	91
Валаамъ	128

ОТЛАВЛЕНІЕ.

Тропинка Явля	Стран
Ростов	67
Новый Иерусалим	91
Власть	128

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Лѣтняя ночь осынила Лавру и сквозь прозрачный сумракъ еще въ бѣльшемъ величїи возвышались древнїе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ южной ограды, надъ которою устроена длинная галлерей отъ Архїерейскихъ покоевъ; — я ходилъ по ней уединенно, и наслаждался картиною ночи. Все засыпало въ Лаврѣ послѣ долгаго всеобщаго бдѣнія; еще быть можетъ иныя старцы стояли на молитвѣ въ келїяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало по малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступ-

ны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній растворялась еще ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій Архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ предъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія Лавры; но въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ, легко стремилась къ небу величественная колокольня въ златомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ златыя главы Троицкаго собора, надъ мощами Святыхъ двухъ Игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ не-вечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней Водяной башни и кротко озарялъ предо мною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подошвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и Московскою дорогою, за ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада, съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разсѣянные по оврагамъ, — такой пространный обзоръ развивался съ высокой терасы!

Кое-гдѣ между деревъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая;

иногда нечаянно отзывался вдали человеческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или внезапный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимолетующихъ запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣднемъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукою начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крыль, біющихъ объ желѣзную крышу. Изрѣдка заливался въ дали почтовый колокольчикъ по Московской дорогѣ и звонко приближался къ Лазрь, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часоваго колокола, — и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія внѣшнія; но кто выразить всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они прирастаютъ къ сердцу и не идутъ съ языка! Часто нѣмѣетъ онъ и для выраженія одного великаго подвига; а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій, здѣсь представляются воображенію двѣ таинственныя дѣйствицы: — одна, по безчисленнымъ ступенямъ дѣяній, глубоко низводитъ на дно священной старины Русской, другая молитвенно возводитъ къ не-

бу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Св. Сергія, уже въ ангельскомъ его санѣ заступника своей родины, — и въ созерцаніи обѣихъ смущается мысль, блуждая въ дольнихъ, теряясь въ горнихъ! Сочувствіе сихъ двухъ міровъ: былого, гдѣ все уже обратилось въ призракъ, и вѣчнаго, гдѣ все живетъ не нашею жизнію, проникаетъ невольнымъ трепетомъ душу въ столь торжественныя минуты, и кладетъ на уста молитву, сію связь и языкъ всѣхъ временъ и міровъ!

Такъ протекла для меня часть ночи; на слѣдующее утро до литургіи пошелъ я, по обычаю, воздать ежедневное поклоненіе угоднику, какъ дѣйствительному и донынѣ Игумену своей Лавры, и желая сохранить въ памяти внѣшнюю и внутреннюю красоту храма, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осматривалъ его завѣтную святыню, краеугольный камень царства Московскаго и всея Руси. У самаго входа, на правой сторонѣ, почиваетъ въ своей малой придѣльной церкви, основатель собора, преподобный Никонъ, ученикъ и преемникъ Сергія, смиренно стерегущій покой своего наставника, соблюдая и по смерти небесную заповѣдь: «нѣсть ученикъ болѣе учителя!»

По лѣвую сторону входа, пристроена къ южной стѣнѣ собора каменная палатка, на

мѣсто бывшей убогой келіи Св. Сергія, гдѣ удостоила его своимъ явленіемъ Божія Матерь. Внутри палатки три каменные гроба: одинъ Іоасафа Скрипицына, изъ Архимандритовъ Лавры возведеннаго въ Митрополиты Всероссійскіе и потомъ, по смутамъ бояръ въ малолѣтство грознаго Іоанна, сосланнаго въ свою прежнюю обитель; другой Св. Серапіона, избраннаго также отсель въ Архіепископы Новгороду, — ибо Лавра не преставала дарить своихъ иноковъ престоламъ Святительскимъ, — и потомъ отлученнаго отъ епархіи при Василіи Іоанновичѣ, за взаимныя огорченія съ Св. Іосифомъ Волоколамскимъ, прекратившіяся еще въ здѣшней жизни; третій гробъ славнѣйшаго изъ Архимандритовъ Лавры, Св. Діонисія, который вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ спасъ отечество отъ Поляковъ. — Невольно ищешь и Келаревой гробницы, но она утаена въ пустынь Соловецкой. Тамъ былъ постриженъ Аврамій, туда возвратился онъ на свое обѣщаніе, исполненный дней и дѣяній!

Кругомъ всѣ стѣны келіи исписаны пустынными подвигами Св. Сергія: вотъ таинственный мужъ даетъ неопытному отроку даръ изучать письмена; вотъ онъ уже избралъ себѣ дикое уединеніе и дѣлится пищею съ лѣсными звѣрями: здѣсь собравшаяся братія

умоляетъ его быть ихъ наставникомъ, и въ чудномъ явленіи безчисленныхъ птицъ предвидить онъ грядущее число ихъ; далѣе Св. Митрополитъ Алексій захочетъ возложить на него святительскій крестъ свой, но смиренно уклоняется Сергій; на что ему выпрешенный санъ, когда внутренній пламень его вѣры изливается наружно при совершеніи безкровной жертвы и ему сослужить Ангель? Тамъ начертанъ и его гражданскій подвигъ. Онъ благословляетъ Донскаго Князя на битву съ Мамаемъ, и къ ногамъ старца падаютъ два инока воина, которыхъ посылаетъ онъ умереть за отечество, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ воинскихъ подвиговъ Лавры для спасенія роднаго края. И вотъ напоследокъ вѣнецъ его житейскаго поприща, уже не просто начертанный, но весь украшенный золотомъ и камнями, сообразно важности самаго событія: это — утѣшительное явленіе Божіей Матери и двухъ Апостоловъ Петра и Іоанна Игумену Сергію, не за долго до кончины, и келейнику его Михею. Сямъ запечатлѣлась живая лѣтопись его храмины.

У самыхъ дверей собора духовная стража и молебное пѣніе: отъ утра и до вечера стоять на ступеняхъ у раки гробовой Іеромонахъ, въ толпѣ притекающихъ къ угоднику; сквозь нихъ только можно открыть себѣ тѣс-

ный путь къ ракъ. Кто же эти присные Св. Сергія? — поклонники отъ всѣхъ концовъ Россіи: одни, богатые благами земли, другіе — только своею вѣрою и странническимъ посохомъ, съ которымъ обошли великія пространства, питаясь именемъ Христовымъ, чтобы его прославить въ лицѣ его служителя. Иные привлеклись просить исцѣленій, хотя и не всѣ тѣлесныхъ. Много тайныхъ душевныхъ болѣзней слагается въ раку преподобнаго, много и сокрушеній сердечныхъ, которыя боятся довести міру сильные міра. Онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, постигая духовныя и житейскія нужды дѣтей своихъ, подаетъ свойственныя имъ утѣшенія, привыкшій еще при жизни разсуждать, что на потребу князей земли, и что ея убогимъ оратаямъ. Отрадно прикоснуться устами къ цѣлебнымъ мощамъ сего почіющаго двигателя Царей и народовъ, который благоволилъ облечься, поверхъ своей ангельской схимы, въ ихъ великолѣпные покровы и возлечь въ пышную раку, уготованную ихъ усердіемъ, какъ бы на торжественную колесницу, съ которой отражаетъ враговъ Россіи. Онъ поднялъ надъ нею кипарисовый щитъ свой, гробовую доску, и подъ симъ щитомъ укрывалась не одна только Лавра, но и вся надежда царства. И могъ ли святыи Митрополитъ Алексій, отъ праведной

жизни переходя въ вѣчность, не предвидѣть въ Сергіи истиннаго преемника митрополіи Русской, когда поручалъ ее старцу? И могъ ли смиренный Сергій, духовно отказать ему въ послушаніи, проведши въ ономъ всю иноческую жизнь? На небесахъ довершилъ онъ сей подвигъ послушанія, принявъ горь предложенное ему долу, и съ тѣхъ поръ не представлялъ радѣть о паствѣ, дивно обличая свое святительство. Время общественныхъ бѣдствій есть его время: когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!

Благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ устроилъ ему серебряную раку, начатую отцемъ его, и столь же богатымъ балдахиномъ украсила ее Императрица Анна. На двухъ гробовыхъ древнихъ доскахъ написаны въ окладахъ два образа Преподобнаго: одинъ, тѣмъ же Царемъ Ѳеодоромъ, висящій на противоположной сѣверной стѣнѣ; другой поменьше, у самыхъ мощей, надъ южными дверями олтаря. Онъ сопутствовалъ во всѣхъ походахъ Государямъ Алексѣю Михайловичу и Петру великому и былъ носимъ предъ рядами ополченій въ отечественную войну 1812 года. Отъ сихъ южныхъ дверей и до сѣверныхъ весь первый ярусъ высокаго иконостаса облитъ золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями. Врата царскія, и балдахинъ

надъ престоломъ, и позади его семивѣтвистый подсвѣчникъ, на подобіе Соломонова, и всѣ паникадила, и обширный хоросъ подъ куполомъ вылиты изъ серебра. Ковчегъ, изображающій Тайную вечерю въ горнищѣ Сіона, Евангеліе, сосуды, и прочая священная утварь цѣны необычайной; но свѣше всякой цѣны самыя чудотворныя иконы, памяtnныя своими изцѣленіями и усердіемъ Царей, ихъ украшавшихъ.— По правую сторону царскихъ вратъ мѣстный праздникъ Св. Троицы, въ трехъ истинно Ангельскихъ лицахъ, древняго греческаго письма. Цари Борисъ Годуновъ и Михайлъ Ѳеодоровичъ великолѣпно его убрали; на трехъ вѣнцахъ огромнѣйшіе изумруды, и на среднемъ камнѣ еще искусно вырѣзанъ тотъ же образъ Св. Троицы. Рядомъ, икона Христа Спасителя на престолѣ, и другая мѣстная, по лѣвую руку царскихъ вратъ, Одигитріи Смоленской, въ золотыхъ окладахъ, пожертвованы Царемъ Алексіемъ, равно какъ и богатая икона Сергія и Никона у сѣверныхъ дверей. Іоаннъ грозный, щедрый даяніями церкви, поставилъ также близъ Одигитріи свою икону Пресвятой Троицы, мало уступающую благолѣпіемъ первой; съ другой же стороны южныхъ дверей, изцѣленный бояринъ Мягкихъ поревновалъ Царямъ въ украшеніи образа Христова. Въ такомъ чрезвычайномъ великолѣпнѣ представляется малый

храмъ сей, сооруженный весь изъ блага камня преподобнымъ Никономъ, помощію Князя Георгія Димитріевича, сына Донскаго, на мѣсто убогой деревянной церкви Св. Сергія, послѣ раззоренія оной Татарскимъ Княземъ Эдигеемъ. Оно было единственнымъ, и только спустя 25 лѣтъ по основаніи обители, которая съ тѣхъ поръ, какъ злато, искушенное огнемъ, все болѣе и болѣе процвѣтала.

На тѣсномъ пространствѣ одного собора сколько стеклось великихъ именъ, подобно крупному жемчугу, унизывающему покровы Святаго! Что жъ еслибъ можно было развить, отъ него и до насъ, всю лѣтописную хартію Лавры и прочитать, въ двухъ ея столбцахъ, съ одной стороны святыя подвиги ея отшельниковъ, отъ насъ утаенные, а съ другой ея безсмертныя событія, ибо она стала на распутии всего великаго и славнаго!

Давно ли поселился Сергій въ лѣсахъ Радонежскихъ, и онъ уже сдѣлался прибѣжищемъ Князей и Святителей, поборникомъ отчизны, разсадникомъ иночества! Не только подвигаетъ онъ на брань Димитрія, не только даетъ ему своихъ иноковъ, но даже предъ самою битвою, провидя его смущеніе, посылаетъ къ нему гонца съ ободрительною грамотою, и въ часъ битвы уже рассказываетъ братіи своей о побѣдѣ, и наконецъ въ торже-

ствѣ встрѣчаетъ Донскаго побѣдителя; — и на престолѣ княжескомъ нельзя принять болѣе участія въ дѣлахъ земли своей. Скоро Сергій становится отцемъ многихъ обителей, основанныхъ его учениками по просьбѣ Князей, на мѣстахъ имъ самимъ избранныхъ. Еще и прежде ознаменовалъ онъ краткое свое уединеніе на Кержачѣ малымъ скитомъ, и далъ въ Москву Митрополиту Алексію инока своего Андроника, для основанія Андроніева монастыря. Теперь признательный Димитрій хочетъ учредить двѣ пустыни на память Мамаева побойща, и Сергій даетъ ему Савву для сооруженія храма Божіей Матери на рѣкѣ Дубнахъ, и самъ избираетъ Князю красное мѣсто у слитія Оки и Москвы, гдѣ нынѣ Коломна, для монастыря Голутвинскаго. Въ послѣдствіи и преподобный Савва созидаетъ себѣ обитель на Сторожахъ по зову Звѣнигородскаго Князя. Храбрый сподвижникъ Донскаго, Князь Владиміръ молить также Сергія дать ему Игумена во вновь воздвигаемый имъ Высоцкій монастырь въ удѣльномъ Серпуховѣ, и Сергій даетъ ему Аѳанасія. Отсель будетъ выходцемъ Св. Пафнутій, Игумень Боровскій, въ свою чреду прославленный ученикомъ своимъ, Св. Іосифомъ Волоколамскимъ. Такая духовная отрасль постепенно происходитъ отъ Св. Сергія, каждому поколѣнію даруя великаго мужа. Но

всѣхъ роскошнѣе пустила вѣтви Симонова обитель, основанная племянникомъ его Θεодоромъ, въ послѣдствіи Архіепископомъ Ростовскимъ. Старець самъ приходилъ по любви къ нему избрать пустынное мѣсто на живописныхъ берегахъ Москвы рѣки, въ виду раждающейся столицы, и первымъ знаменитѣйшимъ питомцемъ Симонова является Св. Кирилль Бѣлоозерскій, великій просвѣтитель сѣвернаго края, даже до океана, ибо и Савватій Соловецкій постриженникъ Бѣлаго озера. Кто назоветъ всѣ безчисленные монастыри и пустыни, пріявшіе начало отъ иноковъ Троицкой Лавры, которая монашескою сѣтїю окинула весь сѣверъ Россіи, сроднившійся духовно во единомъ Аввѣ, подобно какъ на югѣ Антоній и Θεодосій сдѣлались отцами пустынножителей! Не болѣе 30 лѣтъ по преставленіи Св. Сергія уже являются мощи его и начинается рядъ его чудесъ, досель не прерываемый!

Между тѣмъ Лавра становится поприщемъ лѣтописныхъ событій. Въ ней отзываются всѣ сильныя перевороты и смятенія княженія Московскаго, котораго сдѣлалась она главною святынею. Горестна посреди мирныхъ стѣнъ ея картина послѣдней удѣльной брани, раздиравшей Россію междоусобіемъ Темнаго и Шемяки. Великій Князь Василій, довѣрясь

мнимой тишинѣ, которая на время водворилась между нимъ и единокровными Князьями Галицкими, посѣтилъ обитель Преподобнаго. Но Князья Косой и Шемяка воспользовались его отсутствіемъ и захватили въ Кремль его семейство; сообщникъ ихъ Князь Іоаннъ Можайскій съ дружиною проникнулъ въ ограду монастырскую. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви, пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Іоаннъ подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «братъ любезный, помилуй, не лишай меня святаго мѣста, никогда не выйду отсюда, здѣсь постригусь, здѣсь умру!» Взявъ отъ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна и сказалъ ему: «Братъ и другъ мой, животворящимъ крестомъ и сею иконою въ сей церкви, надъ симъ гробомъ Преподобнаго клялись мы въ любви и вѣрности взаимной, а что теперь дѣлается надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Государь, если хотимъ тебѣ зла, да будетъ и намъ зло. Нынѣ желаемъ единственно добра Христіанству и поступаемъ такъ съ намѣреніемъ устрашить Махмета и слугъ его, пришедшихъ съ тобою, чтобы они уменьшили твой оккупъ.» Великій Князь поставилъ икону на

мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннь, кивнувъ головою предъ образами, вышелъ изъ церкви и тихо сказалъ боярину Шемякину: возьми его. Василій всталъ и спросилъ, гдѣ братъ мой Іоаннь? «Ты плѣнникъ Великаго Князя Димитрія Юрьевича,» отвѣчалъ бояринъ, схвативъ его за руки. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Василій. — Чрезъ четыре дня его ослѣпили въ Москвѣ.

Такъ трогательно описалъ сіе жестокое приключеніе незабвенный Карамзинъ. Много лѣтъ спустя, уже при Василіѣ Іоанновичѣ, внукъ Темнаго, послѣднее мщеніе совершилось надъ послѣднимъ изъ рода Шемяки, который былъ невинно заключенъ въ темницу и по странному стеченію обстоятельствъ, какъ бы на память плѣненія Василіева въ Лавръ, пострадалъ съ нимъ и Игуменъ Лавры Порфирій, дерзнувшій вступить за невиннаго.

Но и сей внукъ Темнаго Василій вымоленъ у Чудотворца Супруга Іоанна III Царевна Софія, долго и тщетно желая даровать наслѣдника престолу, въ которомъ оживилось бы племя Греческихъ Царей и право на Имперію Восточную, съ теплою вѣрою пошла молиться угоднику, и вотъ не доходя обите-

ли, на Клементьевскомъ полѣ встрѣчаетъ она свѣтлаго старца, подобнаго образомъ Св. Сергію, который внезапно бросилъ ей въ лоно младенца. Объятая ужасомъ она упала, и принесенная въ обитель повѣрила предзнаменованію, пролиавъ благодарныя слезы надъ ракою Святаго. Черезъ годъ, надъ той же ракою крещень былъ обѣтованный сынъ Василій, рожденный въ самый день Благовѣщенія. Въ свою чреду, бездѣтный Василій частыми посѣщеніями притекалъ къ угоднику и на концѣ дней своихъ былъ утѣшенъ рожденіемъ Іоанна, отъ самой колыбели посвященнаго Сергію. Къ нему въ раку былъ положенъ младенцемъ сей грозный покоритель трехъ царствъ, и какъ бы отданъ на руки преподобному, коего обитель онъ столь великолѣпно украсилъ въ теченіе долгаго своего царствованія. У его же раки совершенно было крещеніе Іоанна тремя великими старцами: Св. Даніиломъ Игуменомъ Переяславля, который основавъ тамъ обитель, прославился чудесами, и престарѣлымъ Вассіянномъ, затворникомъ Волоколамскимъ, и самимъ Игуменомъ Лавры Іоасафомъ, который въ послѣдствіи вступилъ на престолъ Митрополіи Россійской, и былъ низвергнутъ; ибо и Лавра страдала въ бѣдственные дни отечества, въ лицѣ своихъ Игуменовъ и Святителей.

Къ молитвамъ Сергія прибѣгаль Іоаннъ идущій ратию къ Казани, на сію послѣднюю важнѣйшую въ нѣдрахъ Россіи борьбу всего Исламизма противъ Христіанства; и какъ нѣкогда благословеніе Святаго сопутствовало Донскому Князю на Мамаево побоище, такъ осѣнило оно и Царя Іоанна. Когда же пала предъ нимъ сія крѣпкая твердыня Татарская, онъ освятилъ ее обителью во имя Сергія, на память его дѣятельнаго участія. Но еще и прежде, когда для ея покоренія строился на берегахъ Волги городокъ Свіяжскій, имя Сергія прославилось въ новой области. Пленные Черемисы объявили воеводамъ Московскимъ, что часто слышали они пѣніе и звонъ на безлюдномъ мѣстѣ и видѣли нѣкоего свѣтлаго старца, неприступнаго стрѣламъ ихъ, размѣряющаго мѣсто граду; а старецъ сей былъ тотъ же Сергій, поборникъ отечества, который въ послѣдствіи во время осады явился на стѣнахъ Казани. И въ Свіяжскѣ былъ ему поставленъ монастырь. Возвратясь изъ похода Іоаннъ въ самую блестящую минуту своей жизни, съ супругою Анастасіею, самъ торжественно заложилъ въ Лаврѣ церковь Сошествія Св. Духа, и не за долго до страшнаго перелома, послѣдовавшаго въ жизни и характерѣ Царя, онъ опять посѣтилъ Лавру, на пути въ Кирилловъ монастырь и Пѣношу, гдѣ

произошло столь пагубное для него свиданіе съ бывшимъ Епископомъ Коломенскимъ Вассіаномъ. Здѣсь, какъ бы предвидя злобный совѣтъ Вассіана: «не имѣть совѣтниковъ мудреѣ себя,» здѣсь знаменитый старецъ Максимъ Грекъ, избавленный Іоанномъ отъ долготнаго невиннаго заточенія, удерживалъ его отъ дальнѣйшаго странствія и даже угрожалъ ему смертію Царевича, которая скоро и случилась, но тщетны были его моленія.

Троицкая Лавра имѣла счастье успокоить въ стѣнахъ своихъ сего ученаго мужа, пострадавшаго за любовь къ истинѣ и просвѣщенію. Вызванный отцемъ Грознаго изъ Аѳонской горы, исполненный всею ученостію своего вѣка, которую усовершенствовалъ многими путешествіями по Европѣ, онъ долго трудился въ Россіи надъ переводомъ и исправленіемъ церковныхъ книгъ, и былъ въ великой милости при дворѣ Великокняжескомъ; но по несчастію возбудилъ зависть и негодованіе Митрополита Даніила; и когда, какъ ревнитель православія, онъ противился неправильному расторженію брака Василія съ Соломоніею за ея неплодіе, хитрый Даніиль, воспользовавшись гнѣвомъ Государя, обвинилъ въ ереси Максима и сослалъ его сперва въ Тверской Отрочъ-монастырь, а оттоль въ Волоколамскій. 12 лѣтъ невинный страдалецъ не могъ даже выходить изъ келліи

въ церковь и приобщаться Св. таинъ. Гоненіе облегчилось нѣсколько послѣ паденія Данила; но не смотря на убѣдительныя письма Максима и грамоты Патріарховъ Восточныхъ къ Василию, никогда не хотѣли выпустить его изъ заключенія, ибо, по словамъ летописи, онъ слишкомъ многое видѣлъ на Руси. — Труды его, столь полезныя для нашей церкви, оценены были вполне славнымъ Архимандритомъ Діонисіемъ, который первый сталъ употреблять въ служеніи его книги, хотя и возбуждалъ тѣмъ неудовольствіе въ братіи, и даже самъ пострадалъ за свою ревность къ исправленію книгъ. Вѣроятно онъ же воздвигъ часовню надъ уединеннымъ гробомъ странника, которую возобновилъ Митрополитъ Платонъ, соревнуя Діонисію въ уваженіи къ святому исповѣднику истины.

Скоро послѣ свиданія съ Максимомъ и Вассіаномъ грозный державный чернецъ поселился по сосѣдству Лавры, создавъ себѣ обитель опричниковъ въ слободѣ Александровской, и какъ бы соревнуя житію монашескому посреди ужасовъ казни, страшными грамотами и посланіями каралъ окрестные монастыри, упрекая ихъ въ неустройствѣ. Но и между сихъ упрековъ невольно проявляется его глубокое уваженіе къ Лаврѣ; такъ въ посланіи своемъ къ Игумену Кириловской обители,

осуждая его за постриженіе Шереметева, котораго отецъ будто бы искажил самую Лавру, Іоаннъ пишетъ : — «А дотолъ у Троицы было крѣпко житіе и мы се видѣхомъ, и при нашемъ прїѣздѣ, подчиваютъ множество, а сами чувственно пребываютъ. А въ едино время мы своими очами видѣли въ нашъ прїѣздъ: Князь Иванъ Кубенскій былъ у насъ дворецкій, да у насъ кушанье отошло прїѣзжее, а всенощное благовѣстать; и онъ похотѣлъ тутъ поѣсти да испити за жажду, а не за прохладъ: и старецъ Симонъ Шубинъ, и иные съ нимъ не отъ большихъ, а большіе давно отошли по кельямъ; и они ему о томъ какъ бы шутками молвили: Князь Иванъ су поздно, уже благовѣстать; да сей сидячи съ поставца ѣсть, а они съ другаго конца сбираютъ; да хватился хлебнуть испити, ано ни капельки не осталось, все отнесено на погребъ. Етаково было у Троицы крѣпко, да то мірянину, а не чернецу. А и слышахъ отъ многихъ, яко и таковы старцы во святомъ томъ мѣстѣ обрѣталися, въ прїѣзды бояръ нашихъ и вельможъ нашихъ, ихъ подчиваху, а сами же никако же ни къ чему не касахуся, аще и вельможи ихъ нуждаху не въ подобное время, но еще и въ подобно время и тогда мало касахуся. Въ древняя же времена въ томъ святомъ мѣстѣ сего дивнѣйше слышахъ: нѣкогда пришедшу святому Паф-

нутію чудотворцу живоначальной Троицѣ поклонитися и чудотворцову Сергіеву гробу, и ту сущей братіи, бесѣды ради духовной, бесѣдовавшимъ имъ и оному отойти хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго, и тако воспомянувшѣ завѣтъ преподобнаго Сергія яко за врата не исходити, и вкупѣ и преподобнаго Пафнутія подвигоша на молитву, и о семъ молиствоваше и тако разыдошася. И се ради духовныя любви, тако святіи отеческія заповѣди не презираху, а не тѣлесныя ради страсти. Такова бысть крѣпость во святомъ мѣстѣ древле! А нынѣ грѣхъ ради нашихъ хуже и Пѣсноши, какъ до трудова Пѣсношь бывала! А вся та слабость отъ начала учинилася отъ Василья отъ Шереметева онъ у Троицы постническое житіе своимъ злокозньствомъ испроверже, а сынъ его Іона тщится погубити послѣднее свѣтило, равно солнцемъ сіяющее, и душамъ совершенное пристанище спасенія въ Кириловъ монастырь, въ самой пустыни, постническое житіе искоренити. . . . И отцу де еще слово, что неволею отъ бѣды постригся, а Іону вѣдь Шереметева не кто въ затылокъ билъ, почто такъ безчинствуешь? а будетъ такія чины пригоже у васъ, то вы вѣдаете, Богъ свидѣтель, монастырскаго для безчинія говорилъ; а что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати? инъ вѣдь

есть его братья въ міру, и мнѣ есть надѣ кѣмъ опала своя положить; а надѣ чернецомъ что опалатися или поругатися?»

Протекло грозное время послѣднихъ дней Іоанна, и нашествіе Крымскаго Хана, выжегшаго посады Московскіе, не коснулось обители Сергія. Настало кроткое царствованіе Θεодора, въ которомъ соединились всѣ благословенія рода Рюрикова, ибо въ лицѣ его сіе поколѣніе прощалось съ Россіею, осыпая ее послѣдними благодѣяніями на вѣчную память. И Лавра испытала щедроты Царя; онѣ окончилъ величественныя зданія, начатыя въ ней Іоанномъ, и соборъ Успенскій; при немъ достигла она высшей степени своего благоденствія и возбудила удивленіе Патріарха Вселенскаго Іереміи, когда онѣ, поставивъ Іова первымъ Патріархомъ Россіи, посѣтилъ обитель. Тамъ Архимандритъ и Келарь поднесли ему богатые дары, по словамъ лѣтописи; «образъ Спасовъ чеканенъ съ пеленою, которой чуднѣе изъ старыхъ, образъ Сергіево видѣнъе обложенъ серебромъ, вѣнцы съ чеканью, кубокъ серебрянъ въ гривенъ семь, чару или братину серебряну рублевъ въ 20, 40 соболей и 200 рублевъ денегъ.» — Таковы были первые поминки Сергія Патріарху Царьградскому, какъ бы въ возблагодареніе за тотъ крестъ, кото-

рый былъ посланъ ему при основаніи обители, отъ Патріарха Омооея.

Спустя тридцать лѣтъ, другой подобный гость посѣтилъ Лавру, Теофанъ Іерусалимскій Святитель, но въ теченіи сего времени чрезъ какія тяжкія испытанія ей должно было пройти посреди кровавыхъ смуть самозванцевъ, и нашествія Поляковъ и осады Литовской! здѣсь является Лавра во всемъ блескѣ своей народной славы; она сіяетъ какъ драгоцѣннѣйшій камень въ вѣнцѣ Московскомъ, ибо изъ нея истекаетъ спасеніе и воздвигаются воеводы. Царь Борисъ уже лежалъ въ оградѣ Лавры, перенесенный туда изъ Москвы со всемъ своимъ родомъ по волѣ Царя Шуйскаго; а близъ Василія воцарился въ Тушинѣ новый призракъ Димитріевъ, которыми долго мучилась Россія за кровь невинную Царевича, когда по совѣту самозванца съ Польскими союзниками, Гетманъ Литовскій Сапѣга и Панъ Лисовскій пришли осадить Лавру, чтобы преградить Царю Василю сообщеніе съ его съверными и восточными областями. Но Архимандритъ Іоасафъ и воеводы: Князь Долгорукой и Голохвостовъ словомъ и дѣломъ укрѣпились противъ ихъ лъстивыхъ рѣчей и смѣлыхъ нападеній, и помощію Преподобнаго 16 мѣсяцевъ отсиживались отъ тяжелой осады, доколѣ приближеніе побѣдоноснаго Князя Михаила

Шуйскаго заставило удалиться Литовцевъ. Отвѣтная грамота воеводѣ и Архимандрита разительна своею силою:

«Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы, Сапега и Лисовскій, и прочая ваша дружина: вскую насъ прельщаете Христово стадо, православныхъ Христіанъ! Богоборцы, мерзость заустынія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ Христіанское отроча въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, и о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія приѣмше оплевахомъ. Кая бо польза чловѣку возлюбити тму паче свѣта и преложити лжу на истину, и честь на безчестіе, и свободу на горькую работу? Какоже вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную Христіанскую вѣру, Греческаго закона, и покориться новымъ Христіанскимъ законамъ, отпадшимъ отъ Христіанскія вѣры, иже проклята быша отъ четырехъ Вселенскихъ Патріархъ? Или кое пріобрѣтеніе и почестъ еже оставити намъ своего православнаго Государя Царя и покориться ложному врагу и вамъ Латынь иновѣрнымъ, и быти намъ яко Жидомъ или горше сихъ? Они бо Жидове не познавше Господа своего распяша; намъ же знающимъ своего православнаго Государя, подъ ихъ же царскою Христіанскою властію отъ прародителей нашихъ

родихомся въ виноградѣ истиннаго пастыря Христа, како повелѣваете намъ оставити Христіанскаго Царя, и ложною ласкою и тщетною лестію, и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хотите? — Но ни всего міра богатства не хотимъ противу своего крестнаго цѣлованія!»

Тѣ, изъ сердца коихъ излились подобныя рѣчи, не могли быть побѣждены. Но сіе первое тяжкое искушеніе служило только началомъ исполинскихъ трудовъ, какіе подняла Лавра за отечество. Уже ея сокровища были истощены тремя займами въ 65,000 рублей Царей Годунова, Лжедмитрія и Шуйскаго; послѣдній потребовалъ еще новыхъ пособій, — отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сдѣлала необходимою поправку обрушенныхъ мѣстами стѣнъ. Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ скончался защитникъ Лавры Архимандритъ Іоасафъ. Не много дней оставалось Царю Василию до насильственнаго постриженія и плѣна Польскаго, не много и Патріарху Гермогену исповѣдывать имя Христова на престолѣ святительскомъ до его мученической смерти, когда обоимъ пришла благая мысль избрать Старицкаго Архимандрита Діонисія настоятелемъ Лавры и тѣмъ спасти отечество; ибо когда болѣе не существовало ни Царя, ни Патріарха, когда такъ сказать, не было самой

Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ Польскимъ, — тогда Лавра сдѣлалась сердцемъ всея Руси. Діонисій одинъ замѣнилъ всѣ власти и, какъ видимый покровъ Св. Сергія, осынилъ всю землю Русскую и собралъ ее къ развалинамъ столицы. Надобно слышать краснорѣчивый разказъ того времени, (въ житіи Архимандрита Діонисія), проникающій ужасомъ и жалостію душу, чтобы вполне постигнуть его характеръ.

«Тогда, по раззореніи царствующаго града и многихъ градовъ, всѣми путями быша бѣглецы къ дому живсначальныя Троицы, и не бѣ числа слезъ кровныхъ; вси бо мучены и изломаны прошаху отцовъ духовныхъ, а иніи мнози испечены быша, а съ иныхъ власы съ главъ содраны, а у иныхъ ремение изъ хребтовъ вырѣзывано, у иныхъ на крестъ руки и ноги обѣщаны, а у иныхъ чрева прожжены каменіемъ разженнымъ: паче же изрещи не возможно, каковыми различными смертми томими бяху. И вся обитель пресвятыя Троицы преисполнена бысть различными смертми скончавающихся отъ глада и наготы, и отъ лютыя срамоты, о ней же не лзя и глаголати; паче же отъ ранъ неисповѣдмыхъ помираху. И не токмо въ монастырь мертвецы лежаху, но и въ слободахъ, въ Служней, и въ Клементьевѣ, и въ деревняхъ, и по

путьхъ, и повсюду, страшно бѣ зрѣти наготы женъ и дѣвицъ: и не возможно бысть ни исповѣдати при смерти, ни святыхъ тайнъ Христовыхъ подавать. Діонисій же видѣвъ сія, келаря и казначея и братію всю со слезами многими начать молити, дабы во время таковыя бѣды всѣмъ всячески спострадали во всякихъ нуждахъ. Келарь же и иныя братія со слугами единогласно вси отвѣщающа сице: кто, государь Архимандрить, въ таковой бѣдѣ съ разумомъ сберется? никому не возможно стало промыслиати, кромѣ единого Бога. Паки глагола Діонисій сице всѣмъ со слезами и рыданіемъ: се, государи мои, разумѣйте: во истину искусь отъ Господа Бога бысть намъ. Отъ осады большой насъ Господь Богъ избавилъ за молитвами Владычицы нашея Богородицы, и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона; а нынѣ за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирити и оскорбити. Келарь же и вся братія и слуги смятошася о рыданіи его, и начаша просити совѣта отъ него о недоумѣніи своемъ. Діонисій же начать молити ихъ сице: домъ пресвятыя Троицы и великихъ чудотворцевъ не запусѣть, сице станемъ молити и у Господа Бога просити, да разумъ намъ подастъ: токмо положите то, кто что смыслить промыслиати, или собирать на потребу бѣднымъ, или

служити кто можетъ, и кому что по силѣ своей дати. И бысть совѣтъ его всѣмъ любезенъ, и первѣе слуги, и простая чадь крестьяне совѣтоваша, и Архимандриту съ братією сказали такъ: аще вы, государи, будете изъ монастырской казны послѣ осадныхъ людей умершихъ или живыхъ, и вкладчиковъ, которые что въ святую обитель душъ своихъ ради подали, давать бѣднымъ на кормъ, одежду, на лѣчбу, и работникамъ, кто имется стряпать, и служить, и лѣчить, собирать и погребать; то мы за головы свои и за животы не стоимъ. И бысть той совѣтъ радостенъ всѣмъ людемъ: и въ монастырь и во округъ монастыря всѣмъ людемъ бѣднымъ живущимъ и умирающимъ всякъ промыслъ изыде. И первѣе по благословенію Архимандрита Діонисія начаша строити казною монастырскою дома для всѣхъ людей; и больнымъ людямъ обрѣтошася врачеве, и цѣляху многихъ.... Каковъ же въ премудрости словесный бысть, того никто же не помыслить о немъ, ни во умъ никто не пріиметь; каково попеченіе имъ, не токмо о святѣй обители своей, въ ней же пребываше, но и о велицѣмъ царствующемъ градѣ Москвѣ великъ подвигъ имѣя, о избавленіи града всегда моляшеся, и всяка ночь день ему бѣше. Ибо въ то время, егда во осаду Москва была полтора года, онъ непре-

станно въ церкви Божіей и въ кельѣ, съ великимъ плачемъ стояше въ молитвахъ, и по многихъ моленіяхъ той опочиваше. Ему же быша писцы борзые, и въ келіи отъ божественныхъ писаній собираху учительныя слова, и писаша посланія многая въ смутные города ко священнымъ чинамъ и къ воеводамъ, и къ простымъ людямъ о братолюбіи и соединеніи мира, указующе, которые царства и властительства за какіе грѣхи и неправды погибли; и которые государства возвысились Богомъ за какіе правды и за какіе добрые дѣла; и что за соблюденіе оныхъ Господь Богъ благій челоувѣколюбецъ миловаль, и помощникъ былъ бѣднымъ и отчаяннымъ, и худымъ, и не могущимъ стоять противъ супостатовъ. И писывалъ такіа граматы и на Рязань, и на Сѣверъ и въ Ярославль, и въ Нижній Новгородъ Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, и къ Козьмѣ Минину и въ понизовскіе города, и ко Князю Дмитрію Тимоѣевичу Трубецкому, и къ Заруцкому подь Москву, и въ Казань къ строителю Амфилохію. И въ тѣхъ граматахъ болѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много.

Около сего времени возвратился изъ подь Смоленска знаменитый Келарь Аврамій Палицынъ, два раза уже прокормившій Москву при Шуйскомъ монастырскими хлѣбами: онъ былъ

посланъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ Филаретомъ и Княземъ Голицынымъ для испрошенія Королевича Владислава на престолъ Россійскій и тайно оставилъ посольство, не видя успѣха отъ честолюбія Сигизмунда. Когда же услышалъ въ Лаврѣ о раззореніи Москвы воеводою Польскимъ Гонсевскимъ и о заточеніи Гермогена, онъ и Діонисій немедленно послали 250. своихъ слугъ и стрѣльцовъ подъ предводительствомъ Князя Тюменскаго для защиты столицы и сей благой примѣръ подѣйствовалъ на всю окрестность. Они же отправили въ Переяславль грамоту къ воеводамъ Волынскому и Волконскому, моля о скорой помощи; во всѣ сосѣдніе и дальніе предѣлы помчались гонцы ихъ, и вотъ по ихъ слезному зову поднялись воеводы Переяславскіе и отъ Калуги Князь Трубецкой, и отъ Коломны Ляпуновъ, и Заруцкой отъ Тулы и отъ Владиміра Просовецкой. Они обступили предмѣстія Московскія, стѣняя враговъ въ голодный, убійственный кругъ. Новыя грамоты къ Владыкѣ Казанскому Ефрему, и въ понизовыя земли и на поморіе подвигли къ Москвѣ новыхъ защитниковъ. Келарь Аврамій со святой водою былъ отпущенъ Архимандритомъ въ станъ ратныхъ для подкрѣпленія ихъ духа. Скоро возникли между вождями распри и мятежные козаки убили Ляпунова, а между тѣмъ

съ свѣжими войсками подступилъ Гетманъ Хоткѣвичъ; — тогда неуспѣшный Діонисій, отправивъ нужные запасы и снаряды къ осаждающимъ, разослалъ еще гонцевъ въ Ярославль и Владиміръ и Нижній, гдѣ вспыхнула искра чистаго самоотверженія въ сердцѣ Минина, и пролилось отъ нея пламя по всему народу и наконецъ сосредоточилась сила, долженствовавшая освободить отечество, подъ руководствомъ воскресшаго съ одра болѣзни Князя Пожарскаго. Но и здѣсь одни только непрестанныя моленія Діонисія и Аврамія могли заставить Князя пренебречь всею опасностію, какая угрожала ему въ станѣ отъ смуть и заговоровъ соотечественниковъ, и двинуться сперва изъ Ярославля, а потомъ изъ подъ Лавры для довершенія великаго дѣла. Съ тѣхъ поръ Келарь, ходившій на встрѣчу ему въ Ярославль, былъ уже безотлучно при войскахъ лицомъ не менѣе дѣйствующимъ Князя и Минина, а вмѣстѣ и лѣтописцемъ. Его краснорѣчивое перо передало потомству современные подвиги, подобно какъ его сладкія рѣчи возстановляли миръ и тишину посреди враждующаго стана. Онъ даровалъ побѣду воинству Пожарскаго въ продолженіи жестокой битвы съ Гетманомъ на Дѣвичьемъ полѣ, убѣдивъ Казаковъ, удалившихся въ свои окопы, принять участіе въ кровавой сѣчѣ. «Отъ васъ нача-

лось дѣло доброе; вы стали первые за истинную, православную вѣру, принявъ многія раны, терпя голодъ и наготу; прослывшіе храбростію и мужествомъ своимъ во многихъ государствахъ, нынѣ ли хотите въ одно мгновение все погубить! » Такъ говорилъ старецъ и они умилились, и принявъ отъ него ясакомъ имя Св. Сергія, бросились чрезъ Москворѣку и съ кликами Сергіевъ! Сергіевъ! разбили и прогнали Литву.

Еще длилась осада; Поляки засѣли въ Кремль и Китай; возникли новыя возмущенія между Козаками; жалуясь на нищету свою и богатства вождей, они хотѣли умертвить ихъ и разбѣжаться; что же Архимандритъ и Келарь? — послѣднія сокровища Лавры посылаютъ они въ таборы: ризы и стихари, сажженные жемчугомъ, съ слезнымъ моленіемъ не покидать отечества, — и тронулись Козаки. — Они взошли въ разумъ и въ страхъ Божій и возвративъ обители ея пожертвованія, поклялись переносить всѣ лишенія.

Скоро преподобный явился во снѣ Греческому Архіепископу Арсенію, заключенному въ Кремль и утѣшилъ его вѣстію о избавленіи. Приступомъ былъ взятъ Китай, сдался Кремль; съ торжественнымъ пѣніемъ вступилъ Діонисій и весь освященный соборъ въ храмъ.

Успенія, и восплакаль при видѣ запустѣнія святыни.

Оба, и Архимандритъ и Келарь были при избраніи Михаила, совершившемся на Троицкомъ подворьи. Аврамій возвѣстилъ его народу съ лобнаго мѣста и самъ въ числѣ пословъ почетныхъ ходилъ приглашать его на царство. Онъ умолялъ его промѣнять тишину обители Ипатіевской на бурный престолъ, колеблемый всѣми ужасами войны и внутреннихъ смятеній. Когда же по многому плачу умоленъ былъ юный Царь, то на пути своемъ къ столицѣ усердно припадалъ къ ракъ преподобнаго и Діонисій благословилъ Михаила на спасенное царство.

Но симъ благимъ избраніемъ и мирнымъ воцареніемъ не кончились смуты воинскія для Лавры. Королевичъ Владиславъ, оскорбленный лишеніемъ Московскаго престола, подступилъ къ Москвѣ и отрядилъ полковника Чаплинскаго раззорять окрестности Троицкія. На Клементьевскомъ полѣ слуги монастырскіе убили врага, и еще болѣе разгнѣванный Владиславъ самъ пришелъ взыскать смерти вождя своего на обители. Отважный Келарь Аврамій приказалъ выжечь вокругъ всѣ ея посады и тѣмъ заставилъ отступить Королевича, которому еще памятна была первая осада. Начались переговоры, сперва съ Лаврою, потомъ

съ Москвою, и наконецъ подъ стѣнами св. Сергія, заключенъ былъ Деулинскій миръ, на время успокоившій государство.

Торжество мира было торжествомъ Лавры: она одна устояла въ пятнадцатилѣтнюю бурю; ея каждая развалина казалась раной цѣлаго отечества; ея каждый инокъ былъ вѣстникъ; въ ней одной стеклись всѣ главнѣйшія воспоминанія долгой войны, и ни единою измѣною не запятналась ея слава. Неувядаемыя богатства замѣнили временныя. Гдѣ еще можно было найти другаго Діонисія, другаго Аврамія, и подобную братію? — Имъ подивиться пришелъ самъ Патріархъ Іерусалимскій Теофанъ, посланный Вселенскими Патріархами для поддержанія на Руси православія. Нельзя безъ сердечнаго умиленія читать повѣсть сего трогательнаго посѣщенія (въ томъ же житіи Діонисія).

«Слышавъ о обители преславной Живоначальныя Троицы, како во время раззоренія Московскаго государства и самаго царствующаго града Москвы, то малое мѣсто спасено бысть отъ Польскихъ и Литовскихъ народовъ, дивися зело, и хотяше видѣти съ желаніемъ сердечнымъ, не мѣсто, но дивнаго хранителя мѣста, великаго святаго Сергія чудотворца. И изшедшу ему изъ царскаго града, и dospѣвшу до обители Святаго, честь ему сей Діо-

нисій сотвори, яко Царскому Величеству: внѣ бо монастыря изшедъ по обычаю, въ множествѣ чина священнаго, во украшеніи свято-льпномъ, блистающимся драгими бисеры и многоцѣнными камни, со множествомъ кадилъ еиміама и святыхъ иконъ: братія же вси со свѣщами, а мирстіи священницы и простіи людіе далече въ полѣ срътаху съ женами и дѣтьми, и вси святымъ ногамъ сего святѣйшаго Теофана припадаху со слезами, и другъ друга утѣсняюще, вси благословеніе хотяху получити; онъ же всѣмъ даваше благословеніе свое. И быша тогда людіе вси во изрядствѣ свѣтлоносѣ по повелѣнію Самодержца: грядущи же благословляше благочинно отъ стара даже и до младенцовъ, и вси падающе покланяхуся. Егда же вшедъ во обитель, исполнился весь монастырь людми, понеже мнози желашу видѣти его, и падше поклонихася ему; до земли вси людіе, и трижды воздѣвающе людіе руцѣ горѣ, и падающе покланяхуся ему, онъ же начать плакати, и пѣвшимъ вечерню, и молебная совершающимъ святѣйшій Теофанъ ни къ кому ничто же вѣщаше, но только плакаше безпрестанно. По вечернѣмъ же цѣнни Діонисій Архимандритъ съ братією моляше великую его святыню и честность, дабы трапезу благословиль; и едва на милость преклонился, и иде въ трапезу, и по обычаю

своему моленію сотворилъ то Царскомъ Величеству, и о отцѣ его и матери его, и о всемъ царскомъ синклитѣ, и повелѣ Грекамъ воспѣть многолѣтіе Царю Государю Михаилу Ѳеодоровичу, и потомъ отцу его святѣйшему Патриарху Филарету, и матери его великой Государынѣ, и потомъ всемъ Христіанамъ православнымъ. Пояхуже прежде честные старцы святыя горы Синайскія дванадесять инокъ со Архимандритомъ своимъ и келаремъ: и потомъ повелѣ пѣть Троицкимъ крылошанамъ, ихъ же числомъ бѣше по двадцати шести челоуѣкъ на крылоехъ. И потомъ сотвори благословеніе трапезъ и сѣде, и не вкуси брашна ничто же, братію же повелѣ учредити. Слухъ же изыде, яко яко всенощному пѣнію готовяшеся; и мало почивъ, и воставъ рано велими, повелѣ бдѣнію быти, и тако всю ночь препроводиша во славословіи Божіи: и на утріе по времени повелѣ яко святѣй литургіи благоувѣстити: егда же прииде въ церковь святую литургію служить, прежде молебну бывшу и водѣ освященнѣй бывшей, святыя живоначальныя Троицы образы отираль и покропляль со многими слезами, и святыя Владычицы нашея Богородицы, и приснодѣвы Маріи; потомъ пришедъ къ святымъ мощамъ великаго святаго чудотворца Сергія, повелѣ Архимандриту Діонисію открыть святое лице чу-

дотворца; и егда отре губою, объять его страхъ великъ, и сердце его трепеташе въ немъ: видѣ бо его въ нетлѣннѣи суща, и перси святаго и руцѣ осязавъ, дивляшеся и ставши ко образу пресвятыя Троицы, повелѣ толмачу толковати рѣчи своя, и сказывати въ слухъ всѣмъ людямъ благодареніе святѣй Троицѣ, и пресвятѣй Богородицѣ; и потомъ обратився къ великому чудотворцу, глаголаше сице: О великій Сергіе чудотворче! изыде слава святаго житія твоего даже до востокъ солнечныхъ, и благодаримъ содѣтеля всяческихъ Христа Бога, яко и на конецъ вѣка дошедшимъ людямъ и вѣрующимъ въ него даетъ упованіе не отпадати правыя вѣры, за молитвы пресвятыя его Матере, и за всѣ ради со всѣми святыми подвижавшимися во благочестіи. И потомъ святую литургію самъ совершилъ со многими слезами, и толико чудно моленіе его видѣти бѣ, яко всѣхъ сущихъ съ нимъ подвиже источники слезъ точити, и вънутрь и внѣ святыя церкви вси людіе страхомъ и ужасомъ многимъ одержими бяху.

По совершеніи же святыя службы моли его величество отецъ нашъ Діонисій, да сотворитъ уснокоеніе себѣ и всѣмъ сущимъ съ нимъ отъ Іерусалима на Русь пришедшимъ, и на трапезѣ почествованіе бысть яко же и самимъ Царемъ Московскимъ бываетъ, на поклоненіе ко свя-

тѣй Троицѣ въ праздники приходящимъ, трапезѣ бывшей предовольнѣй, всѣми земными преизобилующей. Святѣйшій же Теофанъ по мнозѣмъ поклоненіи съ моленіемъ Діонисія съ братією, едва мало вкуси, и съдаше ни ядый ни пія, но плачася вельми, и полотенца многи измочилъ слезами: торжество же обѣда веліе бяше съ пѣніемъ, и со многимъ чтеніемъ; но Патріархъ самъ не утѣшимъ бѣ ни мало отъ плача. Жалостно же Діонисию съ братією бысть се, яко многъ трудъ подвига ихъ вотще бысть, и мняху, яко Теофанъ святѣйшій гнѣвъ имать нѣкій, и въ тихости посовѣтовавъ, бысть вельми слезенъ со всею братією; и абіе святѣйшій Теофанъ Духомъ Святымъ уразумѣвъ, начать бесѣду творить къ Діонисию, и ко всѣмъ братіямъ, глаголя: что смущаетеся о мнѣ, яко плачуся, и вы не скорбите; зане отъ радости сердце мое веселится о васъ: не ищу бо ничто же вашихъ, но васъ, по Апостолу глаголющему: *вы бо радость моя и вѣнецъ*, яко здравыхъ васъ обрѣтохъ; прежде бо слышаша всѣ церкви восточныя скорбь вашу и трудъ, яже подъясте о Христѣ отъ гонящихъ васъ правыя ради вѣры; и мнѣ убо не невѣдомо есть о всемъ яже случившася вамъ бѣды подъяти; нынѣ же очеса моя видѣша вся, за что страдасте; и не безъ ума, зане многимъ бысть ко спасенію

И азъ отъ Иерусалима идохъ даже до васъ, и моляся Владыцѣ Господевѣ Богу моему, да не будетъ трудъ мой вотще и уже мы о Христѣ приобрьтохомъ. И какъ скорби и болѣзни вашей обществовахомся; такожде и радости вашей уже начальницы быхомъ; тѣмъ же и радуемся съ вами, плакахомъ съ плачущимися, и нынѣ радуемся съ радующимися вами; и прошу нынѣ у васъ нѣчто видѣти, да еще возвелюся по желанію моему. Діонисій же съ братією падъ на землю, глаголя: О главо честная, паче всѣхъ человѣкъ на земли! се мы вси, и вся наша въ руку твою суть, что хочещи отъ рабъ своихъ, рцы намъ? Святѣйшій Теофанъ рече: ничто ино, но еже слышахъ, яко во время бѣды ратныя дерзнуша отъ обители сея святыя вашей иноцы нѣцыи броня возложить на ся, и пріяти оружія въ руку, и ратоватися крѣщѣ, дадите ми ихъ видѣти. Сіа же слышавъ Діонисій усумнѣвся, и глагола, что се будетъ? И въ братіи о томъ взысканіе бысть; иноцы же дѣльцы того суще рекоша Діонисію: яви насъ, отче, владыцѣ нашему, буди все по волю твоею; и явлено бысть святительству его: и абіе предъ лицемъ его сташа болѣе двадесяти числомъ, въ нихъ же первый бѣ, именемъ Аванасій Оцдеринъ зѣло старъ сый, и весь уже пожелтъ въ сѣдинахъ. Возвѣстиша же ему вся яже о немъ, и

мало посмотри, рече къ нему святѣйшій Теофанъ: о старче старый! на войну ты ли еси исходилъ, и начальствовалъ предъ вой мученическими? — Аѳанасій же рече: ей, владыко святый, понужденъ быхъ слезами кровными! такожде и прочіи явлены быша. Святѣйшій же рече ко Аѳанасію: возлюбленный брате! кое ти свойственнѣе: иночество ли въ молитвахъ особъ, или подвигъ предъ всѣми людьми? — Аѳанасій же поклонився, глагола: всякая вещь и дѣло, владыко святый! во свое время познавается: у васъ святыхъ отецъ отъ Господа Бога власть въ руку прощати и вязати, а не у всѣхъ; что творю и сотворихъ въ повелѣніи послушанія, и обнаживъ главу свою поклонися ему, и рече: извѣстно ти буди, владыко мой! се подпись Латынянъ на главѣ моей отъ оружія, еще же и въ ядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келліи сѣдя въ молитвахъ какъ можно найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и стенанію? а все се бысть не нашимъ изволеніемъ, но пославшимъ насъ на службу Божию. Такоже и другіи иноцы извѣстиша; святѣйшій же Теофанъ до здѣ сѣдя, никакому не прикасался брашну и питію; отсель воставше отъ трапезы, и совершенію бывшу, того Аѳанасія благословилъ, и цѣлова его любезнѣ, такоже и прочихъ кровотоццевъ,

и съ похвальными словесы отпустивъ всѣхъ, отъиде на покой свой. На утріеже по святѣй литургіи принесоша ему дары и чести великія многія, изъ коихъ пріяты отъ святыхъ, а иное отдалъ въ домъ пресвятыя Троицы, и въ милостыню обратилъ.

Потомъ повелъ Патріархъ Теофанъ конечный молебень пѣть Пресвятѣй Троицѣ, и по молебнѣ знаменався у святыхъ иконъ, прииде ко гробу великаго чудотворца Сергія и снемши съ себя клобукъ, его же ношаше на главѣ своей, и покропивъ святою водою, отре тѣмъ клобукомъ колѣна и голени, плеснѣ и подошвы ногъ у чудотворца Сергія, и во гробъ святаго приникнувъ, подъ плеснѣ святыхъ его ногъ подложилъ, и со многими слезами долгое время молящеся; а Діонисію повелъ стояти откровенною главою безъ клобука: и вземъ свой клобукъ изъ подъ плесней у ногъ чудотворца Сергія, и цѣлова его и повелъ Діонисію цѣловати, и приклонивши главу Діонисіеву возложи на него руку, а архиіакону своему повелъ возгласити: вонмемъ. И Архимандритъ Синайскія горы трижды воспѣлъ: господи помилуй, по Гречески, киріе элейсонъ. Теофанъ же держа рукою своею клобукъ на Діонисіевѣ главѣ, глаголаъ молитву на возложеніе клобука, и по молитвѣ благословилъ Діонисія въ клобукъ, и цѣловавъ его во уста, ре-

че: се во имя Отца, Сына, и Святаго Духа, дахъ ти благословеніе, сыне мой, и назнаменахъ ти въ велицѣй Россіи посреда брѣтїи твоей, да будещи первый въ старѣйшинствѣ надъ иноки многими по нашему благословенію; такожде и по тебѣ, аще кто будетъ, да носитъ въ мѣстѣ семъ святѣмъ наше благословеніе, величающесе и хвалящесе нашимъ смиреніемъ, и отвѣтъ да творить радостенъ сїце: се знаменіе намъ дано, яко Патріархи восточніи поклонницы суть святому мѣсту сему, и честь свою предъ святою Троицею оставили, съ главы своей снявъ по себѣ въ память, и положиша подъ нозѣ великому стражу, и блюстителю великому, и богоносному Сергію чудотворцу. Потомъ повелѣ на обѣихъ крылосахъ во святѣй церкви воспѣть: спаси Христе, Боже, отца нашего Архимандрита Діонісія, трижды. И обратився ко брѣтїи, всѣмъ глагола: запишите себѣ сїе все, еже содѣяхъ о отцѣ нашемъ Архимандритѣ, и впредъ егда кто отъ брѣтїи нашей аще будетъ на поклоненіе здѣ, тогда буди нашего смиренія изволеніе вѣдомо впредъ по насъ сущимъ родомъ, да и вы бы наше смиреніе и любовь не забывали, и въ молитвахъ своихъ памятовали бы, и паки прослезися; брѣтія же и вси людіе поклонишася ему до земли.»

Можно полагать, что оба сїи великіе му-

жа, и Діонисій и Аврамій, въ одно время сошли съ своего высокаго поприща. Первый по 23-хъ лѣтъ правленіи преставился со славою посреди плача всего государства. Самъ Патріархъ Филаретъ, за годъ до своей смерти, воздалъ ему послѣдній долгъ. А Келарь еще заживо погребся въ пустынь Соловецкой и тамъ долго таилась память его отъ любви соотечественниковъ.

Во времена болѣе мирныя для государства, но весьма смутныя для церкви, послѣ низложенія Патріарха Никона, Троицкая Лавра даровала ей утѣшителя и главу въ лицѣ своего Архимандрита Іоасафа, чудесно исцѣленного св. Сергіемъ, который кротко пасъ ввѣренное ему стадо. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было, чтобы одинъ изъ десяти Первосвятителей нашихъ былъ произведенъ на престолъ Патріаршій отъ дивной раки преподобнаго, и честно своего сана еще бы украсилъ его обитель.

При его второмъ преемникѣ Іоакимѣ, въ юные дни Петра, обуреваемые ужасами бунтовъ стрѣльцкихъ, два раза открывались гостепріимныя объятія Лавры для спасенія надежды отечества. Два раза молодой Царь, чудесно спасенный отъ убійцъ, оградился крѣпкими стѣнами отъ ярости мятежниковъ, и въ сей неодолимой твердынь разрушилъ ихъ за-

мысли. Казнио Хованскихъ окончилось первое возстаніе, второе — заключеніемъ властолюбивой Царевны Софіи. Сюда въ Лавру послала она и Патріарха, и сестеръ умолять разгнѣваннаго брата, но тщетно; сюда наконецъ устремилась сама съ поздною мольбою: она не была допущена, ее ожидала грустная келья въ монастырѣ Дѣвичьемъ, и отсель возвратился Петръ съ торжествомъ въ свою столицу, встрѣченный на пути длиннымъ рядомъ стрѣльцевъ, которые добровольно лежали на плахахъ, моля о пощаду. Чудно, отозвался Россіи ровно чрезъ два столѣтія 1612 годъ: Франція заступила мѣсто Польши, но также сгорѣла Москва, и воеводы обступили развалины столицы, и изъ Нижняго поднялось ополченіе; отряды непріятельскіе устремились къ Владиміру до Богородска и заняли Дмитровъ. Что же помѣшало имъ овладѣть Лаврою въ столь близкомъ разстояніи отъ Москвы и расхитить ея богатства, извѣстныя въ Европѣ? Тщетно герой Бородинской битвы, Князь Багратіонъ, изнемогая отъ смертельной раны въ обители Троицкой и припадая къ раку Преподобнаго, умолялъ братію спасти сокровище мощей его и богатства Лавры отъ хищности наступающаго врага. Сняли только балдахины отъ раки и престола, но Митрополитъ Платонъ не ведѣлъ

прикасаться къ святынь и нарушать вѣру въ защиту Угодника. На праздник Покрова Богоматери съ крестнымъ ходомъ были обнесены иконы кругомъ обители, и въ тотъ же день, отрядъ непріятельскій, направленный на Лавру, получилъ повелѣніе возвратиться съ половины дороги.

Самая язва, которою дважды страдала столица, миновала Лавру, какъ нѣкая страшная туча. На паперти Троицкаго собора хранится надпись на камнѣ, свидѣтельствующая, что въ 1770 году ограждена была обитель святымъ Угодникомъ отъ заразы, хотя со всѣхъ сторонъ стекались къ нему на поклоненіе недужные. Даже и зараженные получали исцѣленіе въ оградѣ монастырской; во все время не погибъ изъ нихъ ни одинъ, не смотря на тѣсноту. Сіе чудесное явленіе повторилось въ глазахъ нашихъ, когда свирѣпствовала холера въ столицѣ и во всѣхъ окрестностяхъ. Такъ недремлющими блюстителями стоять во вратахъ своего пристанища Сергій и Никонъ, отгребая отъ него всѣ бурныя житейскія волны.

Изъ собора посѣтилъ я намѣстника Лавры, Архимандрита А... . Мы и прежде уже знали другъ друга; при настоящемъ же свиданіи я возобновилъ пріятное для меня знакомство. «Ласковый пріемъ вашъ, сказалъ я ему

дѣлаетъ меня докучливѣе. Отпустите со мною кого либо изъ монашествующей братіи по стѣнамъ, чтобы я могъ слышать разсказъ объ осадѣ Литовской на самомъ мѣстѣ великихъ подвиговъ.»

«Пока еще не начался благовѣсть, отвѣчалъ намѣстникъ, я самъ готовъ служить, сопутникомъ по мѣрѣ слабыхъ моихъ познаній. Мнѣ пріятно удовлетворить любопытству, которое основано на славѣ св. Сергія.»

Я поблагодарилъ Архимандрита за такую снисходительность. — «Не выходя еще изъ келій, позвольте мнѣ уже сдѣлать первый вопросъ: кто занималъ въ старые годы покои ваши, странно устроенныя, частію въ башнѣ, частію на городской стѣнѣ? Не сами ли Архимандриты или Келари?»

«Нѣтъ, мѣстопребываніе Архимандритовъ Лавры не измѣнилось. И теперь живутъ тамъ Митрополиты, въ качествѣ настоятелей. Мои же келіи не очень давно устроены, а древнее жилище Келарей было подлѣ святыхъ воротъ. Тамъ жила Палицынъ, но теперь все давно уже перестроено.»

— Слышали ль вы, что наконецъ отысканы слѣды его въ Соловецкой обители? —

«Слышалъ и путешался вмѣстѣ съ братією; отечеству и особенно Лаврѣ тяжело было не

вѣдать, гдѣ кончилъ житіе своею сей великій подвижникъ.

«Извините, сказалъ я, что говоря о немъ, примѣшаю нѣчто житейское. Мнѣ кажется, нигдѣ лучше не изображенъ характеръ Аврамія, какъ въ одной изъ нашихъ свѣтскихъ книгъ. Въ ней старецъ, благословляя юношу на брань за отечество, говоритъ ему трогательныя слова: «Всевышній да проститъ сіе согрѣшеніе старцу, что онъ любитъ свою земную родину почти также, какъ должны бы мы всѣ любить одно небесное отечество наше!» Хотя это вымыселъ, но прекрасный!

У насъ есть собственное его описаніе осады, отвѣчалъ намѣстникъ: тамъ излилась въ сладкой рѣчѣ вся пламенная душа Аврамія. «Отъ великихъ малая изобразъ, говоритъ онъ, яко отъ пучины морскія горсть воды почерпохъ, да поне мало напою жаждущія души божественнаго слова.» И точно вся Русская земля приходитъ черпать изъ его сказанія утѣшительную вѣру въ покровительство святаго Угодника и наслаждаться чудеснымъ зрѣлищемъ Лавры, одной неколебимой посреди тревоженія цѣлаго царства. Онъ написалъ сіе неоцѣненное сокровище, по просьбѣ братіи обители, какъ самъ объясняетъ, и по свидѣтельству очевидцевъ, на память грядущимъ

родамъ, и да незабвенна будутъ чудеса великихъ святыхъ Сергія и Никона.»

Со мною есть его книга, сказалъ я. «Тѣмъ лучше», продолжалъ онъ: и такъ взглянемъ изъ моихъ оконъ на западную окрестность Лавры. Отсель и съ Московской, то есть южной стороны, были самыя сильныя нападенія. Сей малый прудъ, который теперь подъ стѣнами, тогда еще не существовалъ; недавно наполненъ водою малый оврагъ, служившій ровомъ для крѣпости. На краю его, прямо противъ моихъ келій, стоялъ пивной дворъ, обнесенный крѣпкимъ тыномъ, который также не могли взять Поляки, во все время продолжительной осады, хотя нѣсколько разъ покушались зажечь. Онъ имѣлъ сообщеніе съ Лаврою черезъ тайникъ, служашій теперь выходомъ къ банѣ. Изъ сего острога производились частыя вылазки на Красную гору; вотъ она отлого подымается предъ нами; тамъ теперь слобода Ильинская. Начиная отъ пруда Келарскаго, близъ Московской дороги, и до того косаго оврага, что изгибается съ правой стороны къ чащѣ дѣса, вся возвышенность занята была станомъ Гетмана Сапѣги. Онъ окопалъ все пространство ровомъ и валомъ, и поставилъ здѣсь большую часть своихъ туровъ, которые однакоже были сожжены въ счастливую вылазку послѣ первыхъ

шести недѣль осады, и съ тѣхъ поръ не возобновлялись. А всѣхъ туровъ было девять, первые на Московской дорогѣ, послѣдніе же на глиняномъ оврагѣ, противъ конюшенной башни, такъ, что вся югозападная и часть сѣверной ограды были охвачены ими. Но

пойдемъ на стѣны, я укажу самыя башни.» Мы вышли на высокую западную ограду и широкимъ крытымъ путемъ пошли къ сѣверозападной угольной бойницѣ. Съ правой стороны открывалась намъ вся внутренность Лавры, съ лѣвой безчисленные зубцы ограды прерывали на каждомъ шагу дальніе виды окрестности, которая миновенно мелькала въ тѣсныхъ промежуткахъ.

«Башня сія, сказалъ Архимандритъ, называемая Плотничною у Аврамія, извѣстна намъ подъ именемъ оружейной, ибо въ ней до времени Императрицы Елисаветы хранилось оружіе и всѣ снаряды Лавры. Теперь поверотимъ на сѣверную ограду, съ Каличьей башни мы лучше увидимъ окрестность.» Когда же мы взошли на устроенную вокругъ нея площадку: «я не могу объяснить, продолжалъ Архимандритъ, почему дано ей названіе Каличьей; но вотъ рядомъ съ нею Звонковая, такъ прозванная однакожь не отъ набата, а отъ звонка семинарскаго; высокая же башня надъ святыми вратами, служившая

въ древности колокольнею, съ которой давали вѣсть защитникамъ Лавры о нападеніяхъ непріателя, разобрана по ветхости въ 1826 году. Если менѣе было приступовъ къ сѣверной оградѣ, то съ сей стороны пролилось множество крови, для добытія дровъ осажденнымъ. Служители Лавры покрыли себя безсмертною славою въ частыхъ стычкахъ съ непріателемъ по окрестнымъ лѣсамъ и оврагамъ. За сею рощею видна также, не отсель, но съ колокольни, по Углицкой дорогѣ, церковь Деулинская, воздвигнутая во имя Св. Сергія Царемъ Михаиломъ и Патріархомъ, отцемъ его, на память мира, заключеннаго съ Польшею подъ стѣнами Лавры. Такъ и кровавый бой за отчизну и желанный миръ по столькимъ смятеніямъ, все здѣсь, все у той же обители, которая одна сосредоточила въ себѣ судьбы всей Россіи и какъ Ангель хранитель стала на ея распутіи, съ мечемъ и маслиной.»

Мы спустились съ башни, я шель рядомъ съ Архимандритомъ и безмолствовалъ. Минувшее казалось мнѣ настоящимъ; мнѣ казалось, самъ именитый защитникъ Лавры Архимандритъ Іоасафъ, который былъ душею осажденныхъ и успѣлъ только до ихъ освобожденія, чтобы тѣмъ довершить свой

земный подвигъ, самъ шествовалъ по стѣнамъ своей обители, указывая мнѣ мѣста знакомыхъ событій. Такъ странно и сладко было слышать изъ устъ иноческихъ воинственныхъ разсказъ сей, одушевленный тою же любовью къ отечеству, какая совершила самые подвиги. Воображая предъ собою древняго блюстителя Лавры, я мысленно искалъ около него доблѣхъ иноковъ, въ бронѣ сверхъ рясы, пожелтѣвшихъ сѣдинами, какъ Аѳанасій Ощеринъ, и какъ онъ, подвигнутыхъ на брань слезами кровными, и ждалъ вѣстоваго набата.

Архимандритъ нарушилъ мои мечты, обративъ опять вниманіе къ настоящему. «Весь сѣверовосточный уголъ нашей Лавры занять, какъ можно отсель видѣть, духовною академіею, которая отчасти помѣщена въ царскихъ чертогахъ Петра Великаго, устроенныхъ на мѣсто древнихъ Царя Іоанна. Здѣсь жили державные богомольцы, когда пѣшіе приходили поклониться Угоднику. Здѣсь спаслся и юный Петръ отъ мятежей стрѣльчихъ. Вотъ угольная красная башня, съ которой по преданіямъ тѣшился онъ, стрѣляя утокъ на красномъ прудѣ за ея бастіонами, и отъ того утка была поставлена на верху башеннаго спица, когда отдѣлывали ее при Елисаветѣ Петровнѣ. Отъ сей башни и до круглой, Пятницкой, на другомъ углу ограды

выкопанъ былъ во время осады глубокой ровъ и укрѣпленъ валомъ, но его уничтожили недавно, для удобнѣйшаго въѣзда.»

Между тѣмъ мы по восточной стѣнѣ приблизились къ церкви Рождества Претечи надъ святыми вратами. Церковь надъ входомъ въ обитель, во имя ея основателя, есть необходимая принадлежность всѣхъ монастырей нашихъ; самые убогіе имѣютъ хотя часовни съ иконою святаго и это отпечатокъ характера Русскаго. Отшельники, полагавшіе въ дѣбряхъ и лѣсахъ начало своимъ пустынямъ, ради совершеннаго безмолвія, однажды прославленные чудесами по преставленіи, сами какъ будто оставляютъ свое любимое уединеніе, чтобы смиренно ставъ во вратахъ обители, по примѣру древнихъ праотцевъ, гостепріимно сзывать мимоидущихъ на духовную трапезу, и хотя невольнымъ крестомъ заставить осѣниться путника, если даже онъ и не хочетъ войти въ обитель.

«Церковь сія, сказалъ А.....й, стоитъ на мѣстѣ древней Св. Сергія, воздвигнутой отцемъ Грознаго при начатіи ограды. Когда же при Царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ, сооруженъ былъ великолѣпный готическій храмъ угоднику, служащій намъ трапезою, и освященъ въ присутствіи Царей, послѣднимъ Патріархомъ, тогда дозволено было Строгоновымъ

строение Предтечевой церкви; но и она сгорѣла, а новая освящена уже при Императрицѣ Екатеринѣ, въ первый годъ ея царствованія.»

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались по оградѣ, ширина ея стѣнъ, крѣпость и высота башенъ и самое ея пространство приводили меня все въ большее удивленіе и внушили невольный вопросъ: «Конечно царственная рука воздвигла подобныя твердыни, ибо, не смотря на богатство Лавры, трудно ей было одной совершить ихъ.»

«Іоаннъ грозный былъ помощникомъ, отвѣчалъ Намѣстникъ, ему обязана обитель лучшими своими зданіями. И этотъ обширный лѣтній соборъ Успенія Богоматери сооруженъ имъ на подобіе Успенскаго въ Москвѣ, единственнаго образца тогдашняго зодчества, и эта малая церковь Сошествія Св. Духа, въ послѣдствіи украшенная Патріархомъ Никономъ, воздвигнута Царемъ симъ на память взятія Казани, и освящена при немъ и Анастасіи. Вотъ первая царственная Романова на духовномъ торжествѣ у Троицы. Многія льготы даны были Царемъ во время Казанскаго похода и послѣ, для построенія сей ограды, которая на 640 саженьхъ, съ своими восемью башнями, какъ вѣнецъ царства Русскаго, вмѣщаетъ въ себѣ много святаго и близкаго Рус-

скому сердцу. Когда же пострадала она сильно от осады Литовской, то снова поддержать ее признательный Царь Михаилъ Θεодоровичъ и ветхости въ немъ исправлены. Въ послѣдствіи украшены нѣкоторыя ея башни и святыя врата Митрополитомъ Платономъ; его имя незабвенно Лавръ: все, что только есть въ ней великолѣпнаго, обновлено или устроено его усердіемъ, начиная отъ позлащенной имъ крыши Троицкаго собора и до братскихъ келій, которыя видишь кругомъ всей ограды, и все это въ то время, когда Лавра лишилась 100 тысячъ своихъ крестьянъ.»

— А прочія церкви и зданія какого времени? —

«Не очень давнія, отвѣчалъ Архимандритъ: малая шестиугольная церковь, на память явленія Божіей Матери св. Сергію, гдѣ покоятся мощи ученика его Михея, (ты видишь ее у высокаго крыльца трапезной церкви) основана повелѣніемъ Императрицы Анны, и наша величественная колокольня есть также памятникъ ея усердія. Часовня надъ святымъ колодцемъ, обрѣтеннымъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подъ папертію Успенскаго собора, должна быть при немъ и устроена; а храмъ Одигитріи Смоленской, что въ углу близъ Каличьей башни, сооруженъ на мѣсть старыхъ палатъ монастырскихъ, Графомъ Ра-

зумовскимъ и освященъ въ присутствіи Императрицы Елисаветы. Замѣчательно, что почти всѣ церкви Лавры освящались и обновлялись предъ лицемъ царскимъ. Не забыты у насъ и пустынные отшельники Соловецкіе, Савватій и Зосима: въ больничныхъ келіяхъ устроена во имя ихъ малая церковь. Сергій и Никонъ приняли къ себѣ пустынножителей Ледовитаго океана, какъ бы въ нѣкое небурное пристанище отъ бурь морскаго отока.»

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы непримѣтно достигли юговосточной круглой башни, внутри коей каменный глубокій колодезь нѣкогда заключалъ на днѣ своемъ государственныхъ преступниковъ.

«Вотъ та круглая башня, сказалъ Архимандритъ, противъ которой наипаче были обращены усилія непріятелей. По ней стрѣлялъ изъ своей огромной пищали панъ Лисовскій, стоявшій таборомъ въ противулежащей Терентьевской рошѣ, что нынѣ слобода за рѣчку, и подъ несъ веденъ былъ долгое время тайный подкопъ отъ подольнаго монастыря (теперь обращеннаго въ приходскую церковь). Осажденные много смущались слухами о семъ подкопѣ, не зная, гдѣ онъ, доколь удачная вылазка не открыла имъ его устья. Однакоже отсель не такъ свободно видна окрестность, какъ съ терасы Архіерейскихъ келій.»

Мы ускорили шаги и спустились со стѣнъ, подлѣ Водяной башни, у малыхъ воротъ, чрезъ которыя совершались крестные ходы на Гюрданъ, а во время осады частыя вылазки на огородъ монастырской. Потомъ мы поднялись опять на терасу. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ.

«Поспѣшимъ», сказалъ А....й: окинь бѣглымъ взоромъ Московскую окрестность. Вотъ мелькаетъ внизу между деревъ Пятницкій монастырь и кладезь св. Сергія; вотъ за рѣкой мѣсто Терентьевской рощи и табора Лисовскаго; вотъ по дорогѣ къ Александрову служилыя слободы и мельницы, отколѣ часто бывали нападенія, а тамъ вдали едва, едва бѣлѣетъ изъ-за рощи Виоанія, которую мы посѣтимъ послѣ вечерни. Теперь посмотри въ другую сторону: — вотъ Клементіевская слобода, и поле, и дорога къ Хатькову монастырю и въ Дмитровъ, куда бѣжали Сапега и Лисовскій, испуганные побѣдами Князя Шуйскаго; вотъ наконецъ и гора Волкуша. Но отдохнемъ на этомъ имени; довольно о битвахъ. Здѣсь преемникъ знаменитаго защитника Лавры Іоасафа, еще болѣе знаменитый Архимандритъ Діонисій, спаситель отечества, вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ и всемъ освященнымъ соборомъ, съ крестами и хоругвями, провожали и благословляли въ по-

ходъ подь Москву Князя Пожарскаго и Минина съ ополченіемъ Низовымъ. Какая торжественная минута! — Отсель внезапнымъ чудомъ обратившійся вѣтръ подулъ попутно воинству, и подь управленіемъ такихъ кормчихъ, спасся отъ бури потопленія ковчегъ всея Руси; кормило же ввѣрилъ имъ св. Сергій. — По истинѣ вспомнишь слова Пророка: «Всевышній поставилъ предѣлы языковъ по числу Ангеловъ Божіихъ.» Воззри духовнымъ окомъ на какія таинственныя области разделена вся Россія: у каждого града свой предстатель. Здѣсь молится Сергій, въ Ростовѣ Димитрій и Даніиль въ Переяславль, въ Москвѣ же цѣлый ликъ угодниковъ, но и Сергій отсель блюдетъ Москву, процвѣтшую въ одно время съ его Лаврой. — А мы, недостойные, тихо проговорилъ тронутый А....., безопасно живемъ здѣсь, равнодушно копируемъ слѣды его земнаго жительства, гдѣ каждый шагъ былъ орошенъ потомъ постническихъ трудовъ его и молебными слезами!.....» Голосъ Архимандрита внезапно затихъ, а колоколь громче и громче звалъ на молитву.

Послѣ обѣдни, Намѣстникъ предложилъ мнѣ осмотрѣть ризницу, богатѣйшую во всей Россіи. Мы вошли въ сіе священное хранилище даяній, истинно царскихъ, расположенныхъ въ трехъ палатахъ. Кругомъ по всѣмъ

стѣнамъ огромные шкафы были наполнены великолѣпными утварями и облаченіями; глаза разбѣгались отъ несмѣтнаго числа камней и жемчуга, коимъ въ особенности богата Давра. Въ хронологическомъ порядкѣ висѣли ризы, целены и плащаницы, начиная отъ временъ Донскаго, какъ драгоцѣнная лѣтопись, писанная усердіемъ Князей; имя каждого украшало его богатый вкладъ, и не было ни одного опущенія въ длинномъ рядѣ властительскихъ именъ. Столь твердое упованіе возлагали всѣ они на св. Сергія. Въ послѣдней палатѣ хранились драгоцѣнные сосуды, митры, кресты, харатейныя евангелія отдаленныхъ вѣковъ, въ златыхъ дскахъ, и наконецъ все, чѣмъ только могли пожертвовать церкви пышность и усердіе, соединенныя вмѣстѣ. Архимандритъ видѣлъ мое изумленіе и сказалъ:

«Ты читаешь царственныя имена вкладчиковъ, ты дивишься богатству ихъ приношеній; знаю, что многіе дни можетъ провести испытующій археологъ посреди сихъ сокровищъ, и не выходя изъ ризницы написать цѣлую лѣтопись. И я бы могъ, указывая тебѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ на драгоцѣнности наши, постепенно говорить: вотъ евангеліе Симеона Гордаго, XII вѣка, вотъ другое въ великолѣпномъ окладѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, въ коемъ видѣнъ даръ сердца,

слову Божию подобающий; вотъ крестъ, при-
сланный Патріархомъ Филофеемъ Сергію; вотъ
янимова чаша Темнаго, вотъ тяжелые сосуды
Годунова, носящіе какъ и всѣ древніе дары,
отпечатокъ богатства натурального, не поддѣль-
наго утонченнымъ искусствомъ, а сильнаго и
величественнаго по внутреннему своему до-
стоинству; — но не съ сей исторической точ-
ки зрѣнія желалъ бы я тебѣ представить сіи
сокровища. — Нѣтъ; другую, болѣе красно-
рѣчивую лѣтопись сердца хотѣлось бы мнѣ
раскрыть предъ тобою: тѣ тайныя чувства,
которыя возбуждали державныхъ жертвовать
Сергію и отличительный отпечатокъ каждого
ихъ характера въ самомъ разнообразіи даровъ.
Чувствомъ ли благодарности были они подви-
гнуты за исцѣленія, или побѣды, или радости
семейныя, или ради памяти усопшихъ, или
только изъ простодушнаго послушанія къ сло-
вамъ писанія, чтобы не съ тѣми руками при-
ходить предъ Господа! Сюда излились и тер-
занія совѣсти Годунова вкладами, богатѣйши-
ми противъ всѣхъ прочихъ, здѣсь и помино-
венія грознаго Іоанна по своимъ безчислен-
нымъ жертвамъ! . . . Посмотри чрезъ сколь-
ко вѣковъ хранятся они здѣсь безмолвными
обличителями тайныхъ потрясеній души, зер-
цаломъ минувшаго потомству! — Всѣ Князья
Русскіе были данниками Св. Сергія, избавив-

шаго ихъ отъ работы Татарскія! Довольно ли насытилъ ты взоры симъ безпримѣрнымъ великолѣпьемъ — теперь взгляни же на первѣйшее сокровище Лавры, затмѣвающее всѣ прочія: этотъ посохъ, эта крашенинная риза, эти деревянные сосуды — Сергіевы!»

Онъ умолкъ, и по истинѣ затмилась вся слава сокровищъ предъ симъ убожествомъ Сергія; они затмились въ глазахъ моихъ слезами, невольно оросившими его нищую утварь!

«Теперь ты все видѣлъ, сказалъ Намѣстникъ, удалимся, время отдохнуть. Но если еще жаждетъ душа твоя высокихъ думъ, великихъ воспоминаній, иди подъ своды трапезной церкви, на гробы подвижниковъ земли Русской, тамъ отдыхаетъ отъ бѣдствій житейскихъ великій и несчастный защитникъ Смоленска бояринъ Михаилъ Шеинъ; тамъ посреди знаменитыхъ родовъ княжескихъ лежитъ и славный освобожденіемъ Москвы Князь Дмитрій Трубецкой и другіе, коихъ имена да будутъ вписаны въ книгу жизни! У насъ въ Лаврѣ есть гдѣ предаться глубокимъ размышленіямъ о суетѣ временной. Иди бесѣдовать съ усопшими; мы свидимся предъ вечеромъ въ Винои!»

Я пошелъ скитаться межъ гробовъ по каменнымъ скрижалямъ смерти и читалъ роковое *улре!* на концѣ всѣхъ славныхъ дѣяній. Отверсты были врата лѣтнаго Успенскаго со-

бора, напоминающаго Московскій! И внутри его стояли четыре гроба: одинъ весьма недавній Архіепископа Августина, другой гораздо древнѣе Епископа Вологодскаго Іосифа, который, будучи еще Архимандритомъ Лавры, отдалъ Никону, низложенному на судъ Патріаршемъ, свою шубу, когда въ жестокіе морозы отправили его въ изгнание на Бѣлоозеро. Въ двухъ остальныхъ гробахъ царственныя мать и дочь, жертвы властолюбія Годунова, монастырскимъ заключеніемъ заплатившія за одинъ только призракъ имени царскаго. Тутъ погребена Марія Владиміровна, племянница Іоанна грознаго, выданная имъ за Магнуса, единственнаго Короля Ливонскаго, никогда не царствовавшего, постриженная неволею за сей невольный бракъ, и съ нею рядомъ дочь ея Королевна, рано умершая, какъ полагаютъ ради возможности царствовать. У северныхъ же вратъ собора, подъ каменной тѣсной палаткой лежитъ и самъ Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ, какъ бы на страждѣль своихъ до страшнаго ихъ разсужденія; на сихъ вратахъ, какъ бы нарочно имъ самимъ написанъ былъ, при царѣ Θεодорѣ, Ангель страшнаго суда со скрижалями. Временщикъ, цареубійца, царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ престолу,

пораженный со всѣмъ своимъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства! — сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Θεодора и Ксеніи, и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ ее Ангель суда на свои страшные вѣсы; да свѣситъ съ Димитріевой — и скажетъ разрѣшительное: довольно!

Когда освѣжился воздухъ знойнаго дня, Намѣстникъ пригласилъ меня ѣхать въ Вивоанію, за три версты отъ Лавры, въ самой цвѣтущей ея окрестности. Веселая дорога пролегала по зеленымъ полямъ и рощамъ и по крутому берегу овраговъ. Въ такомъ сельскомъ, очаровательномъ уединеніи стоитъ вечерній пріютъ Митрополита Платона, гдѣ довершилъ онъ, не оставляя своей паствы, послѣдніе годы жизни, памятной въ лѣтописяхъ нашей церкви. При входѣ въ святыя врата, Намѣстникъ показалъ мнѣ скамью, гдѣ любилъ сидѣть престарѣлый святитель въ простой одеждѣ, и когда спрашивали у него любопытствующіе посѣтителі, гдѣ бы можно имъ было видѣть Митрополита, онъ отговаривался незнаніемъ и отсылалъ ихъ въ монастырь.

Все носить въ Вивоаніи отпечатокъ его

оригинального ума, начиная съ самаго имени обители, напоминающей Никоновъ Іерусалимъ. Внутреннее устройство церкви еще замѣчательнѣе. На мѣстѣ иконостаса представляется каменная гора, покрытая мохомъ, съ крутою тропинкою на ея вершину. Это Оаворъ, и на немъ стоитъ малый олтарь Преображенія; внизу, какъ бы въ Лазаревой пещерѣ, другой малый престолъ, самая Виѳанія, и подлѣ въ темномъ вертепѣ гробъ основателя Платона. Конечно соединеніемъ сихъ двухъ церквей хотѣлъ онъ выразить то дивное преображеніе, совершающееся съ нами, когда въ прославленномъ тѣлѣ возстаемъ мы изъ гроба, куда опускаемся съ плачемъ: «сѣется тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное, сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное, сѣется немощное, воскресаетъ сильное!» и съ такимъ упованіемъ заснулъ онъ въ своей Виѳаніи во ожиданіи Оавора.

▲ Намѣстникъ прочелъ литію за упокой усопшаго и трогательное завѣщаніе его, поставленное въ рамѣ надъ гробницею, въ коемъ смиренно прощаясь съ паствою, предаетъ себя Господу съ живымъ благодареніемъ за всѣ несказанныя его щедроты, наипаче же за то, что даровалъ ему быть Христіаниномъ и даже служителемъ церкви. Нельзя равнодушно читать сего завѣщанія; не зная Платона, кажет-

ся видишь его предъ собою и соединяешься съ нимъ молитвою. Въ той же гробовой келіи стоитъ дубовая рака св. Сергія, въ которой почивалъ онъ тридцать лѣтъ подъ землею, совершенно уцѣлѣвшая, хотя была найдена вмѣстѣ со святыми мощами, окруженною водою, но сырости мѣста. Митрополитъ Платонъ самъ пожелалъ покоемъ въ виду сего утѣшительнаго свидѣтельства о нетлѣнии праведныхъ. Верхъ церкви исписанъ пророческими предзнаменованіями искупленія; въ олтарѣ Ѧаворскомъ на углу плащаницы изображенъ самъ молящійся Платонъ на коленяхъ предъ таинственнымъ погребеніемъ Спасителя. За-мѣчательна икона, стоящая на престолѣ, она была комнатною Людовика XVI. и привезена въ Россію во время революціи. Могъ ли ожидать несчастный Король, что его домашняя святыня будетъ украшать ВиѦанію?

Сельскій двухъ-ярусный домъ Платона достоинъ также вниманія. Комнаты весьма тѣсны; въ одной малая церковь, невольно заставляющая подумать о Никоновомъ скитѣ въ Воскресенскѣ, ибо сходство душевное, казалось, сближало взаимно мысли обоихъ Іерарховъ. Въ сей церкви почти нѣтъ иконостаса, а только одна низкая перегородка съ двумя малыми иконами, писанными на стеклѣ, и царскія сквозныя врата; на одной ихъ половинѣ

написано: «законъ Моисеевъ данъ бысть» — а на другой: «благодать же и истина Иисусъ Христомъ!». Мысль глубокая — однимъ стихомъ Евангелиста изобразить оба завѣта!

Съ балкона открывается очаровательный видъ. Густая роща, насажденная самимъ Владыкою, спускается по оврагу къ обширному пруду и надъ зеленою ея деревъ открывается какъ бы второй ярусъ картины — противуположный берегъ оврага, также украшенный рощами и свѣтлыми полянами. Вдали надъ чащею подымалось уединенно изсохшее дерево. Я указаль его Намѣстнику и сказалъ: «Если бы оно существовало въ такомъ видѣ при Митрополитѣ Платонѣ, быть можетъ онъ назвалъ бы его изсохшею смоковницею, на память притчи Христовой, ибо Спаситель изсушилъ ее на пути изъ Виваніи.»

По правую сторону, за изгибомъ пруда, который далѣе обращается въ рѣчку, видна была величественная Лавра, горящая вечернимъ солнцемъ. Всѣ ея остроконечныя башни и золотыя куполы и надъ ними легкая колокольня, сливаясь въ одну великолѣпную массу, давали ей видъ Восточной короны, поставленной на землю, подобно тѣмъ златымъ вѣнцамъ, которые слагаются съ себя таинственные старцы Апокалипсиса предъ престоломъ живущаго во вѣки, когда небеса поютъ его славу.

Отсель любовался своею Лаврою Митрополитъ Платонъ. Какъ замѣчательно лице его въ іерархіи нашей! Послъ Стефана Яворскаго, мѣстоблюстителя патріаршаго престола при Петрѣ великомъ, не было подобнаго. Начавшій при дворѣ свое духовное поприще, какъ наставникъ Цесаревича, онъ твердою стопою прошелъ трудную стезю святительства, былъ надежною опорою Россійской церкви, пользуясь даже Европейскою извѣстностію, и кончилъ въ уединеніи дни свои, сокращенные бѣдствіемъ отечества и столицы, но еще имѣлъ утѣшеніе слышать о изгнаніи непріятели. Необыкновенное движеніе умѣлъ онъ давать всему, что только его окружало, оставляя всюду отпечатокъ великой души своей, и положилъ прочное основаніе образованію духовенства. Многіе изъ святителей нашихъ воспитаны были при немъ келейно, и нѣкоторые, какъ Михаилъ Новгородскій и другіе, еще живущіе, были убѣждены вступить въ монашество Платономъ, угадавшимъ ихъ высокія дарованія. Его память и досель священна ученикамъ его, которые, гордясь симъ названіемъ, часто говорятъ: « послѣ Платона Платона не будетъ. »

Вечеромъ возвратились мы изъ Вианні водою. Намѣстникъ управлялъ лодкою, два послушника гребли; круто извивалась Кончу-

ра между кустовъ и тростника, но кормчій еще не забылъ своей приволжской жизни и непогодъ родной рѣки, по волнамъ которой водилъ онъ челнъ свой, доколь не избралъ себѣ пристани въ лѣсахъ Саровскихъ. Когда изгибы береговъ не требовали его вниманія, онъ рассказывалъ мнѣ о духовныхъ старцахъ Сарова и другихъ отшельникахъ, невѣдомыхъ міру, которые спасались въ дремучихъ лѣсахъ Брянскихъ, и изгнанные оттолъ разбойниками, удалились въ безлюдныя дебри Сибири. И у насъ есть своя Оиваида, внѣ монастырскихъ оградъ; ея описаніе могло бы составить назидательный патерикъ; но кто возьметъ на себя столь высокій трудъ! — Въ такой пріятной бесѣдѣ причалили мы къ зеленому утесу: далѣе нельзя было плыть по мелководію; уже недалеко оставалось до Лавры.

РОСТОВЪ.

На разсвѣтъ другого дня поѣхаль я далѣе въ Ростовъ. Мнѣ благопріятствовала погода, и красное утро придавало особенную прелесть зеленѣющимъ полямъ и рощамъ гористой дороги, усыянной богатыми селами до Переяславля. Съ поклонной горы, гдѣ поставленъ усердіемъ предковъ каменный крестъ, открылся Переяславль Залѣсскій во всей древней благочестивой краѣ своей, на берегу тихаго, длиннаго озера, горящій въ небѣ золотомъ крестовъ многихъ обителей и церквей. Неожиданно и вмѣстѣ очаровательно было зрѣлище сего города: — такъ пріютно прислонился онъ къ мирнымъ водамъ, издали совокупляясь всѣми своими храмами въ одинъ Бо-

жій домъ; такъ безпечно летѣли къ нему бѣлые паруса рыбарей по спящей пучинѣ, какъ бы въ безбурный притонъ, созданный только для упокоенія ихъ смиренныхъ лодокъ и безстрастныхъ душъ. Такъ мнѣ показалось издали съ горы, у подножія поклоннаго креста, и такъ могутъ всегда представляться предметы, если смотрѣть на нихъ съ подобной же точки!

Я не могъ оставаться въ Переяславль, поспѣвая на ночь въ Ростовъ, и только поспѣтилъ при въѣздѣ и выѣздѣ города два монастыря: женскій Θεодоровскій, основанный Іоанномъ Грознымъ на память рожденія Царевича Θεодора, и мужескій Никитскій, весьма древній, но украшенный зданіями также во времена Іоанна. Тамъ поклонился я мощамъ св. Никиты, столпника Переяславскаго XII вѣка, и поспѣтилъ уединенный тѣсный столпъ его, гдѣ сложивъ съ себя боярство, умиралъ онъ суровый нравъ подъ тяжестію веригъ, послужившихъ орудіемъ его мученической смерти, ибо ими былъ онъ умерщвленъ отъ руки нощныхъ хищниковъ.

Послѣ мрачныхъ Владимірскихъ лѣсовъ, открылись мнѣ благословенные предѣлы Ярославля. Смѣющаяся равнина, оживленная рѣзвыми изгибами рѣки, испещренная безчисленными селами, развила предо мною свой безконечный обзоръ; повсюду бѣлѣлись церкви

какъ бѣлые шатры, поставленные для стражи сей чудной равнины. На краю ея румяное озеро Неро скопляло въ себѣ лучи вечерняго солнца, вознося надъ блескомъ водъ своихъ бѣлый, многобашенный Ростовъ, вънецъ всей картины и желанную цѣль моего странствія. Съ закатомъ солнца я его достигъ.

Я посѣнилъ прямо въ Яковлевскій монастырь къ святителю Димитрію. Подходя къ собору, вспомнилъ, что мнѣ поручено было поклониться гробу добродѣтельнаго старца Амфилохія, 40 лѣтъ молитвенно престоившаго у возглавія мощей угодника Ростовскаго, и не зналъ, гдѣ найти его могилу. Уже смеркалось, соборная трапеза была отперта, тамъ хотѣлъ я дожидаться открытія самой церкви. Любопытство привлекло меня къ высокой мраморной гробницѣ, украшенной знаками схимническими, и я прочелъ имя Амфилохія! О, съ какимъ внутреннимъ утѣшеніемъ простерся я предъ симъ памятникомъ великаго старца, многіе годы свѣтившаго своими добродѣтелями не только предѣламъ Ростовскимъ, но и столицѣ. На немъ почивало видимое благословеніе святителя, которое обильно передавалъ усерднымъ къ его памяти. Чувствительна для обители потеря Амфилохія, отбывшаго свою стражу!

Отперли соборъ, отперли и тяжкую серебряную крышу раки съ украшеніями Архіерейскими,

пожертвованную благочестіемъ Елисаветы для храненія мощей святителя, и присланную Екатерину въ годъ ея воцаренія. Открылся свя-
тый угодникъ, ревнитель православія, ревни-
тель просвѣщенія, почиющій по многихъ тру-
дахъ, надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, которое
смирненно избралъ себѣ для смертнаго отдыха
не въ великолѣпномъ соборѣ митрополіи Ро-
стовской, вмѣстѣ съ своими предшественни-
ками, но въ уединенной обители св. Іакова,
основанной симъ Епископомъ по несправедли-
вому изгнаніи и посвященной его мощами.
Здѣсь хотѣлъ возлечь Димитрій, и прославился,
и прославилъ мѣсто. Я прикоснулся устами
къ обнаженному челу его, нѣкогда вмѣщавше-
му столько благихъ помысловъ для пользы цер-
кви и отчизны, которое долго сіяло для нихъ
яркимъ свѣтильникомъ и нынѣ точить изцѣ-
ленія болящимъ. Со мною вмѣстѣ тихо при-
ложилась одна недужная; для насъ только от-
перли церковь, за нами ее опять заперли.

Тогда же посѣтилъ я Архимандрита
И.....я, достойнаго племянника Амфилохія. —
Дряхлый старецъ, удрученный болѣзнями, съ
трудомъ могъ подняться съ своихъ кресель,
чтобы привѣтствовать во мнѣ прежняго сво-
его знакомаго. Я видѣлъ изъ окна, какъ вы съ недоумѣніемъ
ходили по монастырю, радушно сказалъ онъ, и

хотѣлъ уже послать монаха, чтобы онъ васъ проводилъ въ соборъ, ибо я всегда такъ дѣлаю съ новыми пришельцами, еще незнающими обители. Хожу и дѣйствую я весьма криво, милостивый государь, но по крайней мѣрѣ сижу прямо: противъ меня угодникъ и къ нему указываю я всѣмъ дорогу.»

—Гдѣ же найти лучшаго указателя, отвѣчалъ я, вы уже такъ давно на стражѣ у святителя. —

«Да, кротко продолжалъ онъ, благодаря угодника, вся жизнь моя обтекла кругомъ сего озера, или лучше сказать я только перевезся съ одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на ту башню, которую я себѣ приготовилъ для покоя, вы увидите за озеромъ высокую колокольню села Порѣчья, гдѣ я долго былъ приходскимъ священникомъ. Тамъ и дѣдъ мой и прадѣдъ имѣли щастіе быть посвященными отъ руки самаго Святителя, и я самъ не смотря на всѣ грѣхи мои достигъ сего пріюта только милостію угодника.»

—И такъ я здѣсь какъ бывъ его семействѣ, сказалъ я, тронутый живою любовію Архимандрита къ св. Димитрію. Вы сроднились съ нимъ и чрезъ рукоположеніе вашихъ дѣдовъ, и сорокалѣтнею, постоянною стражею при его мощахъ вашего дяди старца

Амфилохія, сои вашею собственною при-
верженностію къ угоднику. — «Желаю духовнаго родства съ собою и
вамъ,» отвѣчалъ Архимандритъ, и благосло-
вилъ меня провести ночь на сосѣднемъ под-
ворьи.

Рано утромъ я уже нашелъ почтеннаго
старца, сидящимъ опять въ своихъ креслахъ,
посреди богомольцевъ, которые одинъ за дру-
гимъ приходили принять его благословеніе.
Каждою принималъ онъ ласково, спрашивая
имя, и надѣляя образкомъ, отпускалъ съ на-
зидательнымъ словомъ. Я подивился его тер-
пѣнію при такомъ болѣзненномъ состояніи.
«Государь мой,» сказалъ мнѣ простодушно
И. й, больше труда было симъ усерд-
нымъ людямъ придти къ угоднику, нежели
мнѣ принять ихъ. Да и ученого же я постав-
ленъ, если не буду благословлять ихъ во имя
Святителя?»

Въ числѣ посѣтителей находился раненый
офицеръ и съ нимъ докторъ. Сей послѣдній,
видя страданія Архимандрита, совѣтовалъ ему
многія средства для облегченія болѣзни.
И. й вниманіемъ своимъ платилъ ему за
его участіе и наконецъ сказалъ: «Милостивый
государь, вотъ уже многіе годы, какъ я стра-
даю; — знаете ли какой единственный пластырь
обрѣлъ я противу всѣхъ моихъ болѣзней? —

терпѣніе, государь мой, одно только терпѣніе! по скольку его приложишь къ своимъ ра-
намъ, по столько и почувствуешь облегченія. По-
вѣрьте, что другаго нѣтъ для моихъ не-
дуговъ. Жизнь человѣческая какъ лампада:
когда сосудъ благоустроенъ, хороша свѣ-
тильня и чисто масло, тогда ясно горитъ
и лампада, но когда все въ ней приходитъ
въ ветхость, скудѣтъ елей и задуваетъ вѣ-
теръ, — а вѣтеръ наши собственные страсти, —
тогда время ей погаснуть, и она гаснетъ са-
ма собою.»

При этомъ простомъ, но краснорѣчивомъ
сравненіи невольно взглянулъ я на лампаду,
висѣвшую предъ иконами, которыя занимали
весь передній уголъ тѣсной комнаты и два
сосѣднія окна, а двѣ противоположныя стѣ-
ны были убраны множествомъ портретовъ
духовныхъ особъ.

— Въ какомъ благочестивомъ обществѣ
проводите вы всѣ дни ваши, сказалъ я
Архимаидриту.

«Извольте посмотрѣть, государь мой,
смиренно отвѣчалъ онъ, вотъ на правую
сторону отъ меня святыя угодники, просла-
вившіе своею жизнію Господа, а вотъ на-
лѣво благочестивые мужи шедшіе по слѣдамъ
ихъ; но поелику они еще не удостоились про-
славленія свыше, то чтобы не смѣшать

горняго съ дольнымъ, между ними утвердися здѣсь пропасть велика: — я самъ съ моими немощами и грѣхами!»

И когда я не находилъ словъ отвѣчать ему, онъ тотчасъ продолжалъ:

«Время идти къ обѣднѣ; прошу васъ взглянуть также и въ новый соборъ, который Господь сподобилъ меня окончить, истинно пособіемъ угодника, ибо у меня не было ни денегъ, ни средствъ, и все неожиданно явилось. Посмотрите на живопись: самый художникъ, покойный академикъ Медвѣдевъ былъ для меня даромъ Божіимъ, по его благочестію. Вѣрите ли, государь мой, что онъ не иначе приступилъ къ письму, какъ причастившись св. Таинъ, и прямо изъ церкви взялся за кисть, не вкушая никакой пищи, пока не начерталъ лика Господня на сводахъ олтаря, и такъ всегда безъ пищи и съ молитвою начиналъ онъ писать образъ Спасителя или Божіей матери. Рѣдкое благочестіе! за то Господь увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ его труды, и вы вѣрно полнобуетесь живописью. Прошу васъ въ церковь.»

И точно стѣнное писаніе было превосходно, соединеніемъ древняго и новаго вкуса, чего я нигдѣ не встрѣчалъ. Особенно замѣчательны два свода: надъ олтаремъ и надъ самою

церковью, какъ по отдѣлкѣ такъ и по глубокому смыслу. На первомъ изображены всѣ силы небесныя въ девяти Іерархiяхъ, свѣтлымъ вѣнцемъ обтекающія св. Троицу, возсѣвшую прямо надъ престоломъ. На второмъ начертана кругомъ Божіей матери вся торжествующая церковь Христова, съ ликами угодниковъ всякаго званія: святителей, царей, воиновъ, убогихъ, для утвержденія членовъ воинствующей церкви, приходящихъ молиться въ храмъ сей. На стѣнахъ благоговѣнно поражаетъ взоры тяжкое несеніе креста на Голгоѣу, и молитва св. Димитрія предъ знаменіемъ явленнаго ему креста, и его проповѣдь къ отступникамъ истинной вѣры, и торжество открытія его мощей, и наконецъ самое начало сей обители, основанной въ XII вѣкѣ. Св. Епископъ Іаковъ, изгнанный клеветою народною, въ знакъ своей невинности, переплываетъ предъ лицомъ его Неро озеро на мантии архіерейской, которая безбурно приносить его къ сему пристанищу.

Послѣ обѣдни благосклонный Архимандритъ далъ мнѣ своего намѣстника Ф.....а, чтобы посѣтить знаменитый древностію соборъ Ростовскій и другія обители сего нѣкогда славнаго города. Въ соборѣ ожидалъ меня почтенный Протоіерей Т.....й и съ большимъ радушіемъ показалъ мнѣ все достойное

вниманія. Я пораженъ былъ величіемъ собора.

Начало его еще относится ко временамъ св. Князя Владиміра, но тогда была устроена только деревянная церковь во имя Успенія Божіей матери, послѣ пожара коей и паденія другой каменной, воздвигнутой на ея мѣстѣ, заложенъ былъ нынѣшній соборъ въ 1213 году; онъ довершенъ святымъ Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, уже въ бѣдственные времена ига Татарскаго въ 1262 году. Самое разстояніе лѣтъ между началомъ и окончаніемъ храма свидѣтельствуетъ, чрезъ какія бѣдствія прошла Россія въ теченіе сего полувѣка. Но не смотря на сіи бѣдствія, отпечатокъ величія рода Долгорукихъ остался на семъ священномъ памятникѣ, и благочестіе сына великаго Всеволода вполне удовлетворилось. До сихъ поръ храмъ сей по своему зодчеству и по обширности, — одинъ изъ лучшихъ нашего отечества, не уступая красою Владимірскому, который послужилъ ему образцемъ и почитался совершенствомъ своего времени. (Въ немъ до 14 сажень длины и до 23 высоты съ куполомъ). Въ XIII вѣкѣ св. Епископъ Игнатій устлалъ полъ его краснымъ мраморомъ; послѣдующіе Архіереи постепенно его украшали, въ особенности же

Митрополить Іона, стѣннымъ писаніемъ; еще недавно былъ поновленъ иконостасъ и представляется въ должномъ благолѣпії. Но сокровища сего собора не въ златѣ и мраморѣ. Четыре великіе столба поддерживаютъ его славу: мощи четырехъ его святителей — основаніе Ростовской церкви! Въ маломъ придѣлѣ внутри олтаря покоится св. Леонтій, третій Епископъ Ростова и его просвѣтитель, ибо до него смѣнявшіеся архіереи не могли удержаться посреди язычниковъ; святые мощи его, долго лежавшія поверхъ земли, теперь почиваютъ подъ спудомъ, послѣ раззоренія Литовскаго, но та же благодать изцѣленій истекаетъ отъ его гроба. Съ той же стороны, но внѣ олтаря, открыто лежитъ преемникъ его св. Исаія, въ долгое правленіе паствою Ростовскою утвердившій въ ней корень Христіанства. — По лѣвую же сторону храма и недалеко отъ мѣстной великолѣпной иконы Божіей Матери, чудесно написанной въ XI вѣкѣ Св. Алимѣемъ иконописцемъ Печерскимъ, почиваетъ въ богатой ракъ св. Епископъ Игнатій, одинъ изъ всѣхъ угодниковъ Россійскихъ, котораго нетлѣніе просіяло даже прежде преданія землѣ, ибо чудеса, явившіяся при самомъ отпѣваніи, побудили Кирь и народъ тогда же поставить его святые мощи для поклоненія на то мѣсто, гдѣ и до нынѣ они обрѣтаются.

Племянникъ св. Сергія, св. Архіепископъ Оеодоръ — четвертая опора Ростовской церкви.

Рядомъ съ нимъ лежать вдоль по стѣнѣ кругомъ собора знаменитые его преемники Митрополиты: Варлаамъ, первый возведенный въ санъ сей первымъ Патріархомъ Іовомъ; Іона, предрекшій ему о судьбѣ Отрепьева; Кирилль, управлявшій церковію при Лжедмитріѣ, прежде и послѣ Филарета Никитича, и встрѣчавшій на царство Михаила; другой Варлаамъ, бывшій при его вѣнчаніи; Іона, посвященный Никономъ, въ теченіи 40 лѣтъ, послѣ всѣхъ внутреннихъ смятеній Россіи, устроившій свою митрополию до самаго цвѣтущаго состоянія, и наконецъ Іоасафъ, поставленный послѣднимъ Патріархомъ.

Но славнѣе всѣхъ сихъ почіющихъ въ соборѣ Митрополитовъ является отсутствующій прахомъ, но всегда внутри его пребывающій своею памятію великій Филаретъ Никитичъ Романовъ. Заточенный, постриженный по неволѣ Годуновымъ, онъ вызванъ былъ Лжедмитріемъ въ Митрополиты Ростовскіе, какъ бы для того, чтобы тѣмъ указать, какъ премудрый Промыслъ иногда и чрезъ нечистыя орудія устрояетъ благо людей: такъ рукою разстриги возвелъ онъ Филарета на высшую степень іерархіи и даровалъ въ немъ Россіи залогъ ея грядущаго благоденствія. — Подвигъ

Филарета въ соборъ Ростовскомъ, обличилъ въ немъ достойнаго родоначальника новаго племени Царей. Предлагаю здѣсь краснорѣчивый разказъ соборной лѣтописи Ростова.

«Егда Литовскихъ полковъ Гетманъ, зовомый Сапѣга, прииде подъ монастырь святыя живоначальныя Троицы Сергія чудотворца, тогда града Переяславля Залѣскаго людіе всякихъ чиновъ, забывше крестное цѣлованіе, измѣниша государю своему Благовѣрному Царю и Великому Князю Василю Ивановичу Московскому, и присташа къ сопротивнымъ, и соединившись съ Литовскими людьми, поидоша ко граду Ростову, вѣдуще бо его не крѣпка суща. И абіе вѣстно бысть въ Ростовъ, яко Переяславцы съ Литвою идутъ ратию на градъ, и приидоша вси людіе Ростовстїи съ градоначальники къ преосвященному Митрополиту Филарету и молиша его, да благословить имъ бѣжати въ Ярославль градъ; онъ же увѣщеваше и утверждаше ихъ стояти крѣпко за православную вѣру и за Государя своего, емуже крестъ цѣловаша, и глаголаше къ нимъ: «аще одолѣны отъ супостатъ нашихъ и избїены будемъ, то вѣнцы мученическіе отъ Бога примемъ.» Людїе же молиша его, да и самъ съ ними въ Ярославль поидетъ; а святитель Божїй яко адамантъ твердъ, и столбъ непоколебимый, мужественнымъ вели-

кодушіемъ стоя, рече: «аще ми будетъ и многія муки претерпѣти, дому пречистыя Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ не остануся.» То слышавше отъ него людѣ, овѣ бѣжаша въ Ярославль, а друзіи яко овцы при пастырь своемъ, при Архіерею Божию осташа. Увѣдавъ же Святитель приближающіеся супостаты, поиде въ соборную пречистыя Богородицы церковь и облечеса въ святительская одѣянія, и людѣ мнози въ церковь стекошася; готовяся же Святитель яко агнецъ къ заколенію, причастися пречистыхъ и животворящихъ таинствъ тѣла и крове Христовы, такожде же и овцы словесныя пастырь добрый, тою безсмертною пищею напита; повелѣ бо протопопу и іереемъ, вся сущія въ церкви люди, исповѣдати и причастити божественныхъ таинъ; и возложися на Бога; глаголя: «се азъ и дѣти, яже далъ ми еси Боже.» Тѣмъ временемъ приидоша Переяславцы и Литва во градъ, и начаша избивати людей, елицѣхъ обрѣтоша во градъ, не убѣжавшихъ къ Ярославлю; таже идѣша къ церкви; Митрополитъ же повелѣ утвердити двери; и начаша тѣи къ дворемъ приступати, и бѣюще сокрушати дверь, и добывати церкве. Митрополитъ же къ дверемъ пришедь, нача говорити Переяславцомъ, увѣщевая отъ божественнаго писанія, чтобы

помнили свою православную вѣру, и отъ Литовскихъ людей отстали бы, и чтобы обратились къ своему Государю, емуже крестъ цѣловаша. А Переяславцы, яко волцы возопиша велѣимъ гласомъ, и начаша жесточае въ двери бити, и восбивше двери, начаша същи люди, и изсѣкоша множество неповиннаго народа. А Митрополита съ мѣста его жива взяша, и святительская съ него содраша облаченія, и одѣяша его въ худыя одежды и отслаша въ село Тушино, еже близъ Москвы.» (Онъ былъ освобожденъ войсками Князя Михаила Шуйскаго близъ Осипова монастыря):

Подлѣ самаго собора каменная обширная ограда, въ видѣ кремля, съ зубцами и бойницами и съ пятью на стѣнахъ ея церквами, окружаетъ митрополию Ростовскую, великолѣпно построенную Митрополитомъ Іоною, во время его долгаго правленія, и пришедшую въ совершенный упадокъ съ перенесеніемъ кафедръ архіерейской въ Ярославль. Главныя врата ея, обращенныя къ собору, особенно замѣчательны своимъ готическимъ зданіемъ; надъ ними церковь воскресенія, нынѣ запечатанная, какъ и всѣ прочія, расписана стѣннымъ письмомъ. Не уступаетъ ей и другая, Одигитріи, близъ ограды, воздвигнутая Митрополитомъ

Иосифомъ Лазаревичемъ, преемникомъ Іоны, и третія Іоанна Богослова на западной стѣнѣ. Входи въ четвертую церковь, бывшую монастыремъ св. Григорія Богослова, гдѣ постригся св. Стефанъ Пермскій, закладенъ изъ опасенія къ ея ветхости.

Я пробирался все далѣе по зубчатымъ переходамъ стѣнъ въ обширную трапезную палату, гдѣ нѣкогда пировалъ Петръ великій, поддерживаемую однимъ столбомъ посреди, на подобіе Московской грановитой, и достигъ наконецъ на юговосточномъ углу ограды до провалившейся террасы, между самымъ жилищемъ Архіереевъ и ихъ домовою каменною церковью всемилостиваго Спаса. — Опустились сихъ величественныхъ зданій, которые еще не успѣли совершенно развалиться, производило на меня грустное впечатлѣніе, но еще болѣе стѣснилось сердце, когда я съ опасеніемъ пройдя по террасѣ, заглянулъ сквозь окно въ самую келію, гдѣ по преданіямъ жилъ и преставился святитель Димитрій. Взойти въ нее было уже не возможно; она угловая во второмъ ярусѣ и обращена къ церкви Спаса; остатокъ хоровъ надъ дверями показываетъ, что ее хотѣли обратить въ церковь; и гдѣ бы можно приличнѣе устроить оную какъ не на томъ мѣстѣ, на которомъ святая душа коленнопреклоненнаго угодника

съ послѣднею молитвою тихо отетѣла ко Господу!

Осмотрѣвъ соборъ и древнюю митрополию, я посѣтилъ и прочіе монастыри Ростова: Богоявленскій святаго Архимандрита Аврамія, гдѣ почиваютъ мощи сего перваго просвѣтителя Ростова, современника Св. Князя Владиміра, и гдѣ показываютъ крестообразный жезлъ, которымъ онъ смѣло сокрушилъ каменнаго идола Велеса, и тѣмъ положилъ начало Христіанству въ Ростовѣ. Почти рядомъ съ нимъ, также на берегу озера Нера, обитель Петра и Павла воздвигнута при св. Епископѣ Игнатіѣ, Ордынскимъ Царевичемъ Петромъ по явленіи ему двухъ верховныхъ Апостоловъ, и тамъ обрѣтаются подъ спудомъ его мощи. Царевичъ сей, племянникъ Хана Берки еще въ юности свсей послѣдовалъ за Ростовскимъ Епископомъ Кирилломъ, чудесно исцѣлившимъ Ханскаго сына въ Ордѣ, и принявъ Христіанство, основался въ Ростовѣ, гдѣ долго въ послѣдствіи пребывалъ его родъ; онъ преставился инокомъ. Въ описаніи житія его любопытно преданіе о тяжбахъ Князей Ростовскихъ съ его сыномъ и внукомъ, за земли уступленныя Царевичу. Орда всегда мѣшалась въ сіи тяжбы и Ханы признавали его потомство, хотя христіанское, своимъ единокровнымъ. а правнукъ св. Петра Игнатій

въ XIV вѣкѣ, при наступленіи Хана Ахмыла на Ростовъ, когда бѣжали всѣ Князья его, спасъ городъ, принудивъ Епископа Прохора идти торжественно навстрѣчу Татаръ и объявивъ себя родственникомъ Хана и владыкою Ростова.

За четыре версты отъ города заѣзжалъ я на родину св. Сергія въ малый монастырь святыя Троицы, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ жили его праведные родители, и гдѣ онъ имѣлъ таинственное видѣніе мужа, научившаго его грамотѣ. — Тамъ проведя болѣе часа въ приятной бесѣдѣ съ бывшимъ Епископомъ Оренбургскимъ А.....ъ, О возвратился къ вечеру въ Яковлевскій монастырь и началъ собираться въ обратный путь къ Лаврѣ.

Когда все уже было готово, почтенный Архимандритъ послалъ намѣстника еще однажды отслужить для меня молебень, надъ мощами святителя Димитрія; потомъ благословили меня иконою и напутствовали благими совѣтами, просто вытекавшими изъ его смиреннаго сердца, спросилъ наконецъ: «Кажется я все сказалъ, что же еще намъ остается?»

— Мнѣ остается только, отвѣчалъ я, просить вашего послѣдняго благословенія и молить! — и мое сердце стѣснилось при сихъ словахъ.

«И такъ помолимся! сказали И. и не знаю, свидимся ли еще, я уже весьма ветхъ.» И онъ сталъ молиться съ такою теплою вѣрою, съ такимъ сердечнымъ умиленіемъ, что мои прощальныя слова обратились въ слезы, и я уже молча оставилъ старца и его обитель.

На разсвѣтъ проѣхалъ я Переяславль Залѣскій и мимоходомъ зашелъ въ церковь чудотворца Николая, гдѣ покоится св. Князь Андрей Переяславскій. Онъ изображенъ на своей гробницѣ со свиткомъ въ рукахъ и въ ономъ надпись: «Се азъ Андрей, единъ отъ Смоленскихъ Князей.» Какъ просто, и какъ трогательно; такова была и вся жизнь его! Онъ уединился еще отрокомъ изъ Смоленска къ св. Даніилу въ Переяславль, скончался въ неизвѣстности и по смерти найденъ былъ съ симъ свиткомъ въ рукахъ; тогда только признали его княжескій родъ. Я поклонился также и мощамъ святаго Игумена Даніила Переяславскаго, который устроилъ двѣ обители въ семь городѣ: древнюю Горійскую, нынѣ упраздненную, но бывшую некогда кааедрою архіерейскою, о чемъ свидѣлствуютъ ея великолѣпный соборъ и начатое пышное зданіе Геосиманіи, и другую во имя св. Троицы, гдѣ онъ самъ почиваетъ въ бо-

гatoi ракъ, такъ высоко, что нетлѣнное тѣло его кажется лежить не въ гробу, но на одрѣ. Сей благочестивый Игумень былъ въ большомъ уваженіи у Великаго Князя Василя, крестилъ его сына Грознаго и участвовалъ во всѣхъ его совѣтахъ, какъ свѣтильникъ своего времени.

Около вечерни я уже былъ опять въ Лаврѣ, и тамъ провелъ еще одинъ утѣшительный день посреди молитвъ и воспоминаній, наслаждаясь столько же настоящимъ сей славной обители, сколько и ея великимъ прошедшимъ. Поздно вечеромъ собирався я ее оставить и пришелъ принять благословеніе Архимандрита А. «Мы простимся въ церкви, сказалъ онъ, ты вѣрно желаешь прежде отъѣзда поклониться Преподобному.»

Намѣстникъ велѣлъ отпереть соборъ; мы взошли одни во мракъ его; слабо свѣтила намъ лампада предъ св. мощами, гробовый монахъ открылъ раку. Намѣстникъ сталъ у главы и началъ молебень св. Сергію, съ акаѣистомъ, въ которомъ, какъ видно, измѣлись всѣ чувства души глубоко проникнутой благодарѣніями угодника своему отечеству. Какъ просто и выразителенъ сей привѣтъ Сергію: «земный ангеле и небесный человѣче!» Какъ радуется сердце при каждомъ тихомъ возгласѣ

гробового старца: радуйся Сергіе, великій чудотворче!»

Когда окончилась служба, и мы сошли со ступеней на средину темнаго собора, А.
взялъ меня за руку и, послѣ краткихъ на-
зидательныхъ увѣщаній, сказалъ просто-
сердечно: «полюби святаго Сергія! онъ былъ
Русской въ душѣ; сердце его лежало ко всему
отечественному, и онъ не только нашъ, но
и цѣлой Россіи; полюби его искренно, и онъ
тебя полюбитъ!»

Я былъ глубоко тронутъ и молчалъ. Мы
вышли изъ храма и услышали за собою звукъ
его замковъ, ибо всѣ, кромѣ насъ, уже
отошли на покой, и мимо насъ побрелъ въ
свою келлію гробовой старецъ.

«Мнѣ все еще не хочется съ тобою про-
ститься, радушно говорилъ мнѣ Намѣстникъ,
мы поклонилися преподобному Игумну Лав-
ры, пойдемъ же кругомъ собора поклониться
еще и святымъ ученикамъ его. Но прежде,
продолжалъ онъ, подойдя къ отверстому ок-
ну келліи св. Сергія, внутри коей ярко сіяла
при свѣтѣ лампы, въ золотѣ и драгихъ ка-
мняхъ, большая икона явленія ему Божіей Ма-
тери, прежде помолись пречистой Дѣвѣ на
мѣстѣ ея схождения, да направитъ стопы
твои по заповѣдямъ Господнимъ.»

«Заглянемъ и къ преподобному Никону,

проговорилъ тихо А взойдя на крытую паперть предъ его церковью: преподобне отче Никоне, моли Бога о насъ!» Сквозь желѣзную рѣшетку окна видна была въ таинственномъ мракѣ вся внутренность малой церкви. Только изъ подъ богатыхъ завѣсъ гробоваго балдахина проливался свѣтъ невидимой лампы, какъ будто самъ угодникъ освѣщалъ собою гробъ свой. Молча прошли мы еще нѣсколько шаговъ, ибо для такихъ минутъ не созданы слова, и приблизились къ церкви у готической трапезы; и она свѣтилась изнутри гробовою лампадою. «Вотъ и ученикъ Сергіевъ отдыхаетъ по многихъ трудахъ въ своей келліи, и сказалъ А, моли Бога о насъ преподобне отче Михее! Зайдемъ теперь и къ Максиму Греку.»

Мы подошли къ его часовнѣ близъ Сошествіенскаго собора. Архимандритъ долго и пристально смотрѣлъ на гробницу великаго мужа церкви, столь много для нее потрудившагося и пострадавшаго; потомъ обратясь ко мнѣ, возвысилъ голосъ:

«Желаю тебѣ, хотя нѣкую часть того духа благодати, коимъ былъ исполненъ сей великій подвижникъ въ трудахъ своихъ ко благу церкви!»

— Ахъ, пожелайте, отвѣчалъ я, и помолитесь, чтобы тотъ же духъ терпѣнія данъ

мнѣ былъ въ скорбяхъ, какой укрѣпляетъ Мака-
сима, если паче чаянія и меня ожидаютъ
испытанія! —

Отъ сей часовни пошли мы къ святымъ
вратамъ, по роскошной аллеѣ вѣковыхъ липъ,
осеребренныхъ луною, которой лучи, проби-
ваясь сквозь густую тѣнь ихъ, какъ бы
крупными каплями, падали на землю. Былъ
одиннадцатый часъ, когда приблизились мы
къ вратамъ ограды. Покамѣстъ сонный сто-
рожъ вотпиралъ тяжелый замокъ: вотъ мы
нашли себѣ вѣрную стражу, сказалъ Намѣ-
стникъ, указывая на образъ неопалимой ку-
пины надъ вратами; въ то время Московскихъ
пожаровъ мы ввѣрили ей охраненіе обите-
ли отъ огня, и благодареніе Господу — все
уцѣлѣло!»

Внимая ему, я еще разъ обратился къ
монастырю. Мрачно подымался предъ нами
высокій соборъ Успенія. Только часть его
крыши освѣщена была мѣсяцемъ, который
перекатывался по золотой главѣ его, ярко ох-
вативъ крестъ; мы любовались благоговѣно.

«Основанъ грознымъ Іоанномъ!» тихо
говорилъ я самъ себѣ: — освященъ кроткимъ
Феодоромъ! — столь же тихо договорилъ
А....., какъ бы нѣкій антифонъ. «На вра-
тахъ его изображенъ Ангелъ страшнаго суда,
со скрижалію, гдѣ вписываетъ дѣянія наши.» —

Подъѣхъ въ врата, и опять онъ отвѣчалъ мнѣ
Атласъ. . . , погребено все семейство Году-
новыхъ. — «Какія имена, какія воспоминанія,
воскликнула я, о святая Мавра! какъ трудно
съ тобою разставаться!» и тогда онъ, мавра,
Я уже переступилъ за врата, и Архиман-
дритъ еще держалъ меня за руку. — «Чув-
ствуешь ли, что здѣсь за оградой совѣсть
другой воздухъ? и вся свѣжесть, весь аромат
ночи остались внутри стѣнъ; а здѣсь все
дышетъ житейскимъ. Теперь прости, и я
стою на томъ порогѣ, гдѣ для меня должны
кончаться мѣръ; — и благословивъ, сказалъ:
святый Сергій, да будетъ присно съ тобою.»

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ Лавры, оставилъ я Москву, желая посѣтить еще однажды Новый Іерусалимъ, столь близкій моему сердцу съ тѣхъ поръ, какъ поклонился древнему образцу его. Не доѣзжая Воскресенска, пошелъ я пѣшкомъ къ обители, прямо чрезъ поле, чтобы болѣе себѣ напомнить уединенное странствіе по пустынямъ Палестинскимъ; но я потерялъ настоящее направление ко храму, который былъ заслоненъ рощею, и только издали увидѣвъ часовню Элеонскую, могъ опять выйти на дорогу.

Патріархъ Никонъ далъ имя Элеона сей часовнѣ и воздвигъ ее на томъ мѣстѣ, отколь обозрѣвалъ онъ съ Царемъ Алексіемъ

во дни ихъ духовной пріязни, избранное ими поприще для обители, и здѣсь Царь назвалъ ее Новымъ Іерусалимомъ, какъ о томъ свидѣтельствуешь надпись на крестѣ внутри часовни: «Благоволеніемъ благочестиваго Царя Алексія Михайловича и святѣйшаго Никона Патріарха, въ знаменіе ихъ общей любви и совѣта къ начинанію святыя обители и наименованію еже есть Новый Іерусалимъ.»—И чрезъ тридцать лѣтъ, тотъ же Никонъ, въ теченіи сего времени низведенный съ Патріаршаго престола, заточенный 15 лѣтъ на Бѣломъ озерѣ, наконецъ скончавшійся на возвратномъ пути изъ своей темницы, былъ принесенъ уже мертвымъ для погребенія въ созданную имъ обитель; близъ сего же креста поставилъ тѣло его кроткій Царь Θεодоръ, какъ бы для примиренія обоихъ великихъ усопшихъ: державнаго отца и святителя, памятію ихъ любви взаимной, которую нѣкогда засвидѣтельствовали у подножія Элеонскаго креста.

Отсель на разстояніи полуверсты до святыхъ воротъ насажена, чрезъ малую долину, узкая березовая аллея; съ правой стороны близко подступила къ стѣнамъ Новаго Іерусалима крутоберегая излучистая Истра, названная Іорданомъ по волю Патріарха. Исполненный сладкихъ впечатлѣній, тихо приближался я къ обители въ прохладной тѣни деревь

и съ утѣшительнымъ чувствомъ переступилъ за священные врата, на коихъ изображено вербное торжество Спасителя. Хотя не отъ Элеона, а отъ Рамы, и не вербными вратами, взошелъ я за пять лѣтъ предъ тѣмъ во Св. градъ, но и сіи врата мнѣ были знакомы; я бы хотѣлъ по словамъ духовной пѣсни: «объидите людіе Сіона и обымите его» — обойти и обнять его со всѣхъ сторонъ.

Изъ подъ высокой арки святыхъ воротъ открывается самый великолѣпный видъ на зданія собора съ восточной ихъ стороны: — это чудная гора малыхъ куполовъ и главъ, своимъ нравными уступами восходящая до двухъ главныхъ куполовъ храма, и вся сія гора на разныхъ высотахъ усыяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхождение наше. Но хотя зрѣлище сіе великолѣпно и вполне достойно громкаго названія Новаго Иерусалима, оно совершенно отлично отъ образца своего. Правда, и тамъ есть два купола надъ соборомъ и полукуполь надъ олтаремъ, и глава выходящая изъ земли надъ церковью обрѣтенія; но всѣ безъ крестовъ, и все кругомъ застроено терасами и плоскими крышами сосѣднихъ монастырей Авраама и Аббисинцевъ и древнею Патріархіею, такъ что примѣтны только два купола надъ соборомъ; все же зданіе является въ видъ огромной полураз-

рушенной твердыни, которой терасы сперва разбили люди, а потомъ время. А здѣсь напротивъ, все еще ново и свѣжо: четыре малыя часовни, едва подымаясь поверхъ земли, окружають большой куполь подземной церкви обрѣтенія; еще выше двѣ легкія главы по обѣимъ сторонамъ соборнаго алтаря знаменуютъ многочисленныя придѣлы внутренней галлерей, и еще двѣ главы надъ Голговою и Геосиманіею, съ южной и сѣверной стороны храма, довершаютъ стройную красоту зданія, правильнаго въ частяхъ своихъ, когда въ Іерусалимѣ самая мѣстность не позволяла соблюдать симетріи.

Но не смотря на сіе несходство, отраднo отдыхаютъ взоры на пышномъ и игривомъ зодчествѣ сего храма. Забывшись можно подумать, что такимъ былъ нѣкогда и священный его подлинникъ; когда по манію царицы Елены возникъ онъ, во всемъ величіи Римскаго зодчества и могущества, изъ груды камней и земли, покрывавшихъ утесы Голговы и св. Гроба.

Однакоже съ южной стороны собора, площадка между колокольнею и церковью Елены, можетъ удовлетворить ищущихъ желаннаго сходства обоихъ Іерусалимовъ. Тѣ же двойныя врата предъ вами, заключенныя корыстію Арабовъ въ древнемъ, хотя есть отличія въ укра-

шеніяхъ надъ ними и нѣтъ здѣсь мраморныхъ столбовъ и изваяній; та же высота стѣны соборной, то же число оконъ во второмъ ярусь, и я даже узналъ окно моей келліи надъ церковью Елены. Самая церковь сія, посвященная здѣсь памяти Маріи Египетской, прильпена ко храму подобно какъ въ Іерусалимѣ, и столь же тѣсна, но тамъ она служила сперва наружнымъ восходомъ на Голгоѳу, и на открытомъ крыльцѣ ея совершается донинѣ условеніе ногъ, а здѣсь крыльцо закрыто и тѣмъ нарушено сходство. Положеніе же и зодчество колокольни совершенно Іерусалимскія, хотя тамъ она до половины обрушена землетрясеніемъ.

Утѣшенный столь отраднымъ для меня зрѣлищемъ, я стоялъ на знакомой площадкѣ, на коей въ Іерусалимѣ не разъ ожидалъ отверстія святыхъ воротъ, и радуясь совершенному моему одиночеству, вполне предавался воспоминаніямъ Палестины. Но меня замѣтили, и подошедшій монахъ спросилъ чего я желаю :

— Поклониться святому гробу, былъ мой отвѣтъ.

«Какъ ваше честное имя?» опять спросилъ меня монахъ, потому что мое посѣщеніе во время полуденнаго отдыха братіи показалось ему страннымъ.

— Развѣ нужны имена поклонниковъ? отвѣ-

чалъ я; они выходятъ изъ памяти вмѣстѣ съ мимолетными, если не остаются въ молитвахъ! —

«Простите мою нескромность, возразилъ онъ, но въ нашемъ уединеніи пріятно иногда слышать знакомое имя и встрѣтить прежняго знакомя въ почитателѣ. Покажѣте отъ пруть для васъ церковь, не угодно ли вамъ пройти къ отцу Архимандриту?»

Я послѣдовалъ за нимъ въ прекрасныя келліи настоятеля Архимандрита А.....а, который весьма ласково меня встрѣтилъ. «Позвольте мнѣ поклониться св. гробу, сказалъ я, и посетить святыя мѣста новаго Іерусалима.» —

«Кому же свойственны желать сего, если не почитателю древняго,» отвѣчалъ съ улыбкою Архимандритъ. — Когда же я изъяснилъ нѣкоторое удивленіе: «не таитесь, продолжалъ онъ, вы мнѣ знакомы, и я давно ожидалъ васъ въ свою обитель, чтобы намъ вмѣстѣ сравнить оба Іерусалима. Вы были въ древнемъ, я живу въ новомъ; мы можемъ сообщить другъ другу нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя нельзя найти въ описаніяхъ.»

— И такъ приступимъ немедленно къ сему сравненію, сказалъ я; столь же усердно его желаю. Любопытно для cadaго Русскаго

узнать, въ чемъ именно сходствуешь сіе родное для насъ святилище съ Палестинскимъ. —

«Мы начнемъ, не выходя изъ сего зданія, съ нашей зимней церкви Виолеема, говорилъ мнѣ Архимандритъ, проходя чрезъ три обширныя палаты, которыя служили нѣкогда трапезами Царямъ и боярамъ, и были устроены Царевною Софіею, вмѣстѣ съ Виолеемскою церковію. Вотъ храмъ Рождества.»

—Пройдемте мимо, сказалъ я, здѣсь нѣтъ и тѣни сходства съ великолѣпнымъ храмомъ Палестины, украшеннымъ рядами мраморныхъ столбовъ. Можно сравнить съ нимъ Казанскій соборъ въ Петербургѣ, по внутреннему крестообразному расположенію и красотѣ колоннъ, а не нашу зимнюю, весьма обыкновенную церковь. —

«Сойдемте въ нижній этажъ, продолжалъ Архимандритъ, можетъ быть, вы тамъ болѣе будете удовлетворены,» — и мы сошли по широкой лѣстницѣ въ правильную галерею, по сторонамъ которой находились малые придѣлы.

«Вотъ пещера Рождества и мѣсто яслей; но здѣсь не было устроено церкви, вѣроятно по тѣнотѣ; а быть можетъ и она предполагалась, ибо нѣкоторые изъ предназначенныхъ здѣсь придѣловъ довершены уже мною. Вотъ престолы на память обрѣ-

занія Господня, бѣгства во Египеть, поклоненія волхвовъ и избіенія младенцевъ.»

— Пойдемте далѣе, опять повторилъ я: слышу названія Виолеемскія, но не узнаю самыхъ мѣстъ; притомъ же церкви въ память обрѣзанія Господня не существуетъ нигдѣ во всей Палестинѣ, да и малый гротъ, гдѣ укрывалась Божія мать съ предвѣчнымъ Младенцемъ, и отколѣ бѣжала съ нимъ въ Египеть, по преданіямъ Виолеемскимъ, находится внѣ храма на краю селенія. Хотя же приделы рождества, яслей, волхвовъ и избіенія младенцевъ, точно обрѣтаются въ подземельи Палестинскомъ, но здѣсь нѣтъ главнаго — самаго подземелья. Темные, излучистые переходы и подземныя церкви Печерской Лавры въ Кіевѣ могутъ дать понятіе о вертепахъ Виолеема, а не здѣшній нижній ярусъ вашего правильного зимняго собора. —

«Весьма трудно угодить очевидцамъ, проговорилъ настоятель, и обратясь ко мнѣ: нашъ Виолеемъ вамъ не понравился; по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что самый храмъ Воскресенія напомнить вамъ вполнѣ Палестину, ибо онъ точно сдѣланъ по образцу, который принесъ оттолѣ старецъ Арсеній Сухановъ, посланный Патріархомъ Іоасафомъ въ 1649 году на Востокъ, для сравненія богослуженія нашего съ Греческимъ. Никонъ,

вступивши на престоль патриаршій, когда еще Арсеній былъ въ Иерусалимъ, велѣлъ ему снять точную модель стѣ храма, которая досель хранится въ нашей ризницѣ. Мы взойдемъ южными вратами отъ колокольни, ибо вы сами знаете, что всѣ прочія закладены въ Иерусалимъ.»

Врата отворились; мы вступили въ храмъ, — радостно затрепетало сердце; что-то родное повѣяло мнѣ изъ подъ величественныхъ сводовъ, изъ длинныхъ галлерей; такъ нѣкогда вступалъ я и въ святилище Палестины, и оно также показалось мнѣ родственнымъ, ибо я былъ уже прежде въ Воскресенскъ. Есть невыразимое чувство родства, которое сближаетъ насъ не съ одними людьми, но и съ неодушевленными предметами. Послышится ли прежде слышанный звукъ, повѣетъ ли знакомымъ запахомъ воздухъ, повторится ли глазамъ прежній очеркъ — и звукъ, и запахъ, и очеркъ — все родные, и радуется имъ сердце, какъ бы своимъ!

«Что скажете?» спросилъ Архимандритъ.

— Я въ Палестинѣ! —

«А этотъ храмъ?»

— Храмъ св. гроба, но въ томъ видѣ, каковъ онъ былъ до раздѣленія его между различными исповѣданіями, и до пожара. Здѣсь при самомъ входѣ я вижу насквозь соборъ во

всю широту его до стѣверныхъ воротъ: такъ было нѣкогда и въ Иерусалимскомъ, но теперь перегородки отдѣляютъ главный Греческій соборъ отъ окружающей его галереи, и при самомъ входѣ въ южный притворъ Голгофы непріязненная стѣна возбраняетъ взорамъ погрузиться въ глубину святилища. Вотъ на право и самая Голгофа у васъ въ томъ положеніи, какъ она существовала до пожара; изъ сего притвора нѣтъ двойнаго широкаго крыльца на ея вершину, которое сдѣлано въ Иерусалимѣ, дабы крестные ходы Грековъ и Латинъ не мѣшали другъ другу. Но гдѣ же и какъ спускаете вы съ Голгофы плащаницу въ великій пятокъ? —

«Какъ спускали Госифъ и Никодимъ божественное тѣло Спасителя съ самаго креста, отбѣчалъ мнѣ Архимандритъ. Я становлюсь съ частию братіи на высоту Голгофы у самыхъ периль и оттолкъ спускаю на холстахъ плащаницу, которую принимаетъ внизу намѣстникъ съ другими сослужащими»

— Но я здѣсь не вижу въ притворѣ предъ Голгофою того камня, на коемъ совершилось въ Иерусалимѣ мукомомазаніе тѣла Господня. Отъ чего не лежитъ и у васъ подобный же камень, когда вы во всемъ подражаете мѣстности и обрядамъ Св. земли? —

«Признаюсь вамъ, отвѣчать Архимандрить, что у насъ издавна хранится сей камень, мѣры Иерусалимской, предназначенный для сего мѣста, и я не знаю самъ, отъ чего онъ досель не положенъ.»

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ убѣдительно положить его здѣсь, чтобы не нарушать священнаго схода: ибо плащаница, лежащая у праваго столба около входа, во все не напоминаетъ камня муропомазанія, который по представляется взорамъ каждаго изъ входящихъ въ храмъ Иерусалимскій. —

Минуя соборъ, мы прошли на лѣво въ ротунду св. гроба, и хотя я и прежде видѣлъ сіе великолѣпное его вмѣстилище, однакоже былъ пораженъ новымъ изумленіемъ при видѣ легкаго, глубокаго купола, съ его семидесятью пятью окнами, расположенными въ три яруса, кругомъ трехъ раззолоченныхъ хоровъ. Сіи три рѣзные вѣнца остроконечнаго купола давали ему подобіе огромной тиары, осѣняющей священный памятникъ, который стоитъ въ оградѣ шестнадцати пиластровъ, поддерживающихъ арки верхней галереи. Самый гробъ Господень, какъ церковь въ церкви, весь раззолоченный снаружи и украшенный также золотыми столбами и главою, довершалъ своею стройною красотою полноту чуднаго зрѣлища не для однихъ только взоровъ,

но и для сердца, ибо я опять, казалось, стоялъ въ Иерусалимѣ.

«И такъ, вы теперь довольны!» сказалъ мнѣ Архимандритъ. — Ахъ! я опять въ Палестинѣ и припадаю ко св. гробу! —

Я взошелъ въ придѣлъ Ангела, я проникнулъ въ самый утѣсъ св. гроба, я опять простерся предъ каменною плитою, на коей долженствовало лежать божественное тѣло, я готовъ былъ повторить тѣ же молитвы, какъ въ Иерусалимѣ, и мысленно повторилъ ихъ; ибо все, что окружало, переносило меня къ дивному образцу сего мѣста, и полумракъ гробоваго покоя, слабо освѣщаемого одною лампадой, вмѣсто безчисленныхъ лампадъ Иерусалимскихъ, давалъ мнѣ свободу дополнять воображеніемъ внутреннее убожество вертепа. О какъ отрадно находить посреди пустыни житейской такое близкое къ истинѣ повтореніе желанныхъ предметовъ!

Когда я поднялся съ помоста, Архимандритъ уже стоялъ за мною и смотрѣлъ на меня съ чувствомъ участія и любопытства. Безмолвно вышли мы опять въ придѣлъ Ангела сквозь низменное отверстіе утеса. Онъ указалъ мнѣ камень, который въ него вдвигался, отваленный Ангеломъ. Наконецъ я спросилъ его: — «Были ли здѣсь Архіепископы горы Фавора Героеей,

присланный за милостынею отъ Патріарха Іерусалимскаго?»

— Быль и плакаль, отвѣчалъ Архимандритъ, при видѣ сего гроба.

«О какъ понятно мнѣ сіе чувство! продолжалъ я; размѣры тѣ же, здѣсь какъ и въ Іерусалимѣ, и гробоваго покоя и каменной плиты, гдѣ лежало пречистое тѣло, и придѣла Ангела; но здѣсь стѣны украшены простымъ письмомъ, а тамъ богатымъ мраморомъ, и весьма жаль, что вся сія часовня, великолѣпно вызолоченная снаружи, внутри столь убога; а подлинникъ ея устланъ одинаковымъ мраморомъ извнѣ и внутри. Тамъ камень гроба служить жертвенникомъ, а отваленный камень престо-
ломъ посреди придѣла Ангела; здѣсь же божественныя тайны не совершаются надъ подобіемъ Христова гроба. Но низкая дверь, ведущая изъ придѣла въ самый утѣсъ, здѣсь того же размѣра, какъ была она до послѣдняго пожара въ Іерусалимѣ; нынѣ же ее тамъ просѣкли выше и нарушили древность святыни.»

Такъ говоря, мы вышли изъ часовни и опять осѣнилъ насъ великолѣпный шатерь купола. «Шатерь сей, говорилъ мнѣ Архимандритъ, въ началѣ былъ каменный, но онъ обвалился отъ тяжести въ 1723 году, въ самый день вознесенія Господня, и пребывалъ

въ развалинахъ до 1749 года. Тогда Императрица Елисавета велѣла по совѣту лучшихъ архитекторовъ устроить шатеръ деревянный.»

—И тѣмъ самымъ, прервалъ я, умножилось сходство съ древнимъ подлинникомъ. Странное дѣло:—въ Иерусалимѣ прежній кедровый коническій куполъ, замѣненъ послѣ пожара 1807 года каменнымъ круглымъ, а у васъ на оборотъ, прежде былъ каменный, а потомъ деревянный; но за то онъ вдвое выше Иерусалимскаго, въ коемъ не болѣе 15 сажень. И пиластры, которые поддерживаютъ здѣсь арки верхней галлерей, теперь сходны съ Иерусалимскими; но прежде тамъ стояли кругомъ ротунды великолѣпные мраморные столбы Елены. И такъ пожаръ, нарушивъ подобіе въ иныхъ предметахъ, умножилъ оное въ другихъ.

«Взгляните, продолжалъ Архимандритъ, отъ дверей гроба сквозь Царскую арку на иконостасъ главнаго собора Воскресенія, и скажите, какъ будетъ соборъ сей противъ Иерусалимскаго?»

—Сколько могу себѣ представить, отвѣчалъ я, кажется онъ здѣсь короче. Много ли считаете вы сажень отъ часовни гроба до иконостаса и до горняго мѣста?»

«12 до олтаря и еще 8 до горняго мѣста.»

— Въ Иерусалимѣ же всего 18 до горняго мѣста, и изъ нихъ только 4 занимаетъ олтарь,

а потому самый соборъ длиннѣе и соразмѣрнѣе съ прочими частями храма; но за то наша ротунда и часовня св. гроба, снаружи, нѣсколько больше своего подлинника. —

«У насъ 11 сажень въ ротундѣ и 6 наружной длины часовни.»

— А тамъ только 9 сажень въ первой, и 4 въ часовнѣ, и эта разность въ размѣрѣ примѣтна. Къ тому же Царская арка, отдѣляющая ротунду отъ собора, у насъ сдѣлана поуже, чрезъ что какъ будто сдѣнился самый храмъ, а верхняя галлерей, раздѣляющая на два яруса арку, не существуетъ въ Иерусалимѣ. Но хотя нашъ высокій иконостасъ весьма величественъ, тамъ онъ устроенъ иначе: вершина его въ видѣ треугольника и не столь высока, ибо на ней повѣшены были въ столѣ колоколовъ, а сверху есть галлерей. Оттолѣ во время моего заключенія въ храмъ часто бесѣдовалъ я, чрезъ слуховое окно крыши, съ иноками стоявшими на терасѣ. —

«У насъ нѣтъ хода надъ иконостасомъ, сказалъ мнѣ Архимандритъ, но мы можемъ взойти на галлерей Царской арки, и я увѣренъ, что вы останетесь довольны видомъ всей церкви, который вамъ оттолѣ откроется.»

Мы поднялись на хоры съ южной ихъ стороны, по той мѣстницѣ, которая въ Иерусалимѣ ведетъ на Армянскую половину, тѣ

устроены двѣ ихъ церкви, и миновавъ малый придѣлъ благовѣрной Княгини Ольги, взошли на Царскую арку. Чудное зрѣлище меня поразило: во всѣ стороны, и вверху и внизъ, разбѣгались взоры по далекимъ хорамъ и извивистымъ галереямъ, и подъ крутыя арки сводовъ, и въ глубину куполовъ, и на дно пространныхъ соборовъ, — и повсюду взоръ опирался въ какую либо роскошную церковь, въ золотой или мраморный иконостасъ; вездѣ сіяла какая либо святыня, какъ бы зеркальное отраженіе двухъ главныхъ святилищъ: соборнаго олтара и св. гроба, стоящихъ другъ противъ друга и, подобно двумъ свѣтиламъ, раздробляющихъ лучи свои на безчисленные во-кругъ планеты.

Но сколь ни увлекательно было съ сей арки зрѣлище собора, невольно обращались взоры къ св. гробу, и тамъ, какъ въ нѣкоемъ морѣ, тонули они въ глубокой ротундѣ и терялись, какъ въ небѣ, въ ея воздушномъ куполѣ. И посреди сего моря и неба, глубокихъ, высокихъ впечатлѣній, отрадно являлся очамъ, какъ малый островъ посреди пучины или свѣтлое облако въ эфирѣ, — самый священный гробъ! — Неподвижно стоялъ я, и смотрѣлъ, и не имѣлъ словъ; Архимандритъ далъ мнѣ нѣсколько времени наслаждаться зрѣніемъ, потомъ сказалъ:

« Истинно достоинъ удивленія храмъ сей и всякой, кто только его видѣлъ, восхищается. Не говоря уже о красотѣ зодчества и о священномъ подобіи, нельзя не изумляться обширности и вмѣстѣ стройности всѣхъ частей. Можно въ одно время совершать обѣдню на нѣсколькихъ престолахъ и одна литургія не воспрепятствуетъ другой, ибо голоса не будутъ сливаться. Здѣсь со времени основанія храма, каждая царственная десница устроила придѣлъ въ честь тезоименитаго святаго; но всѣхъ великолѣпнѣе придѣлъ во имя благовернаго Князя Александра, который вы видите подлѣ сей царской арки въ симетріи съ придѣломъ св. Ольги. Государь Императоръ устроилъ его въ память рожденія своего Наслѣдника. »

— Но скажите, спросилъ я наконецъ, не уже ли Патріархъ Никонъ довершилъ само строеніе сего храма? Онъ такъ долго былъ въ заточеніи! —

« Патріархъ Никонъ, отвѣчалъ Архимандритъ, построилъ сперва на семъ мѣстѣ въ 1656 году, малую деревянную церковь во имя Воскресенія Христова, потомъ получивъ модель изъ Іерусалима, онъ приступилъ къ созиданію сего храма и воздвигъ его почти по самыя своды; въ теченіи девяти лѣтъ вольнаго своего заключенія въ сей обители, когда оста-

вилъ жезлъ свой въ Московскомъ соборъ и пересталъ заниматься дѣлами патріаршими. Онъ прожилъ все сіе время въ пустынномъ столпѣ, на берегу Истры, его Іордана, и заботился ревностно о строеніи храма, дѣлая самъ кирпичи и нося ихъ какъ простой каменщикъ. Когда же по еуду Восточныхъ Патріарховъ былъ онъ совсѣмъ отчужденъ отъ патріаршескаго служенія и сосланъ на Вѣло озеро, остановилась и работа храма, и въ такомъ положеніи оставался онъ 13 лѣтъ, доколь Царь Θεодоръ Алексѣвичъ, по любви своей къ заточенному Никону не повелѣлъ продолжать строеніе. Благочестивая Царевна Татіана Михайловна много пожертвовала денегъ и утварей для довершенія обители; но зданіе было окончено только въ 1685 году, уже при двухъ Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, и храмъ освященъ въ ихъ присутствіи Патріархомъ Іоакимомъ. По разрушеніи же каменнаго пѣтра надъ св. гробомъ, и послѣ бывшаго пожара, церковь сія опять пребыла въ запустѣніи 26 лѣтъ, доколь благочестивая Императрица Елисавета Петровна, тронутая величіемъ обители, не повелѣла возобновить ее со всевозможнымъ великолѣпіемъ, назначивъ архитекторомъ знаменитаго Графа Растрели. Архимандритъ Амвросій, въ послѣдствіи Архіепископъ Московскій, убіенный мученически во время

чумы, былъ ревностнымъ исполнителемъ воли Монаршей, и онъ послѣ Патріарха Никона можетъ почитаться вторымъ создателемъ Новаго Іерусалима.»

«Я покажу вамъ на хорахъ портреты обоихъ,» продолжалъ Архимандритъ, и вывелъ меня въ ту же галерею, изъ которой мы взошли на арку. Тамъ около прѣдѣла св. Павла исповѣдника остановился я предъ большою картиною Никона Патріарха. Во весь ростъ написанъ Святитель, на амвонѣ и въ полномъ облаченіи; около него стоятъ разноплеменные ученики его, братія новой обители: Архимандритъ Германъ, іеромонахи Леонидъ и Савва и архидіаконъ Евфимій, иподіаконы Іосифъ и Германъ и монахи Іліодоръ и Серафимъ, съ надписью имени надъ главою каждого. Лица ихъ уже начали тускнѣть и стираться отъ времени и сырости, помрачившихъ всю картину, писанную съ натуры; но еще рѣзко отдѣляется величественная фигура Никона. Всею грудью и мышцами подымается онъ надъ главами его окружающихъ, и необыкновенный ростъ его возвышенъ еще важною осанкою; темнорусые, почти черные волосы падаютъ изъ-подъ богатой митры на широкія плеча, и густая темная борода осыпаетъ грудь; строгое, отчасти суровое выраженіе, въ правильныхъ, большихъ чертахъ лица его, испол-

неннаго мужественной красоты; на устахъ нѣтъ привѣтливой улыбки, но сильная душа Никона напечатлѣлась въ огненныхъ черныхъ глазахъ; и чрезъ слишкомъ полтора столѣтій по его смерти, они будто еще говорятъ и проникаютъ душу; — внѣшній Никонъ вполнѣ отражалъ въ себѣ внутренняго.

Долго смотрѣлъ я на картину; мнѣ казалось, живой Патріархъ властительно стоитъ передо мною, и я припоминалъ себѣ многія рѣзкія черты его неодолимаго характера, собранныя въ краснорѣчивомъ описаніи житія, ученикомъ его Шуперинымъ: какъ обиталъ онъ отшельникомъ въ дикой Соловецкой пустынѣ, какъ въ санѣ Митрополита усмиривъ съ опасностію жизни стрѣлецкій мятежъ, и какъ уже на патріаршемъ престолѣ былъ другомъ Царя Алексія. Далѣе представился мнѣ судъ надъ нимъ Восточныхъ Патріарховъ и горькое низложеніе, и еще горшее заточеніе на Вѣломъ озерѣ, не преломившія твердости его нрава, впрочемъ конечно не безъ благой цѣли допущенныя Провидѣніемъ, которое иногда изъ сильныхъ, натуральныхъ характеровъ, крѣпкими ударами судьбы вырабатываетъ благодатную чистоту христіанскаго терпѣнія.

— У васъ ли, спросилъ я Архимандрита,

черный клобукъ его съ жемчужными Херувимами, который сняли съ него Восточные Патріархи, когда онъ отрекался сложить его самъ съ главы своей, какъ знаменіе иночества. —

«Въ ризницѣ хранится онъ, отвѣчалъ Архимандритъ, вмѣстѣ съ прочею его домашнею утварію, весьма простою въ сравненіи съ великолѣпіемъ его церковной утвари, въ которой онъ любилъ чрезвычайную пышность, а его тяжкія вериги вы увидите на его гробѣ. Но прежде я поведу васъ къ гробамъ Іосифа и Никодима и попрошу продолжать сравненіе обоихъ Іерусалимовъ. Мы не будемъ останавливаться у придѣловъ, которые не существуютъ въ древнемъ, дабы не сдѣлать замѣшательства, ибо здѣсь ихъ считается до тридцати.»

Спустясь съ хоровъ, мы достигли западной оконечности храма, позади часовни св. гроба, и тамъ въ галереи, на томъ же мѣстѣ какъ въ Іерусалимѣ, которое принадлежитъ Сиріянамъ, Архимандритъ показалъ мнѣ двѣ могилы двухъ благочестивыхъ погребателей Христовыхъ. Потомъ онъ привелъ меня тою же круглою галереею къ колодцу, принадлежащему въ Іерусалимѣ Латинамъ, ибо тамъ ихъ малый монастырь пристроенъ къ сѣверной сторонѣ храма, а главная церковь на самомъ

томъ мѣсть, гдѣ сѣверныя врата въ Воскресенскѣ; малый же ихъ придѣлъ Маріи Магдалины, въ память явленія ей Спасителя, устроенъ и здѣсь благочестіемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оттолъ прошли мы въ церковь Успѣнія, называемую Геосиманією и я увидѣлъ темницу Христову.

«Не только сей церкви, сказала я настоятелю, но и сѣвернаго притвора, который у васъ устроенъ для симетріи съ южнымъ Голгооскимъ, нѣтъ въ Іерусалимѣ, и такіа прибавленія нарушаютъ сходство; здѣсь, какъ видно, основатели не только хотѣли соблюсти правильность зодчества, но желали еще совкупить въ одномъ храмѣ воспоминанія многихъ святыхъ мѣсть, разсыянныхъ въ Іерусалимѣ и по всей Палестинѣ. То что вы называете темницею Христовою, по моему замѣчанію, есть тѣсная пещера, посвященная Латинами памяти слезъ Богоматери, ибо подлѣ оныя показываютъ въ Іерусалимѣ два отверзстія въ помость, служившія будто бы колодами для ногъ Спасителя, — преданіе совершенно произвольное; но хотя самая темница у васъ на томъ же мѣсть, гдѣ и тамъ, однакоже входъ въ нее долженъ быть изъ галереи, а не изъ Геосиманскаго притвора, котораго, какъ я уже сказалъ, тамъ нѣтъ. Теперь пойдемте по галереи кругомъ соборнаго олтаря.»

«Вотъ придѣль Лонгина Сотника,» сказалъ мнѣ Архимандритъ.

— Онъ есть и въ Иерусалимѣ, продолжалъ я, и принадлежить Грекамъ. —

«Вотъ придѣль Андрея Критскаго, устроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Палестинскомъ храмѣ закладены восточныя врата.»

— Вы сами сознаетесь, что его нѣтъ въ Св. землѣ; какъ жаль, что такими неумѣстными прибавленіями безпрестанно нарушается подобіе. На хорахъ дѣло иное, но здѣсь казалось бы, все должно быть вѣрнымъ. —

«Вотъ придѣль Раздѣленія ризъ, прямо противъ середины главнаго олтаря, и нѣскольکو далѣе придѣль Терноваго вѣнца въ память поруганія Спасителя. Между ними спускается лѣстница въ подземную церковь Обрѣтенія креста.»

— Я опять узнаю мѣстность Иерусалимскую и Армянскій престоль Раздѣленія ризъ, и Греческій Терноваго вѣнца, хотя оба, какъ и Лонгиновъ, тамъ безъ иконостасовъ, и служба совершается на открытыхъ престолахъ. —

Мы спустились къ честному кресту по тридцати тремъ ступенямъ, какъ и въ Иерусалимѣ, въ подземелье Царицы Елены, поддерживаемое четырьмя тяжелыми столбами. Я увидѣлъ опять Армянскую церковь св. Елены и въ олтарѣ ея окно, пробитое въ камнѣ, у котораго сидѣ-

ла Царица, когда отрывали честный крестъ; но съ лѣвой стороны сей церкви придѣлъ Утоленія печали замѣнилъ Иерусалимскій благоразумнаго разбойника. Еще 11 ступеней низводятъ къ придѣлу Епископа Кириака, и къ колодезю, гдѣ обрѣтенъ былъ самый крестъ. Въ Палестинѣ на мѣстѣ сего кладезя стоитъ Греческій престолъ честнаго креста, на мѣстѣ же придѣла св. Кириака, Католическій, также въ честь креста Господня.

«Вотъ мы прошли весь храмъ, отъ одного края и до другаго, скажите мнѣ теперь, обратился я къ Архимандриту, сколько считаете вы въ ономъ длины и ширины.»

—Длина его отъ стѣны и до стѣны, отвѣчалъ онъ, 50 сажень, а широта 20; но безъ подземной церкви Обрѣтенія, внутренней длины будетъ только 36 сажень. —

«И такъ Воскресенскій храмъ пятью саженьми длиннѣе Иерусалимскаго, а широта его та же; внутренняя же долгота Палестинскаго святилища, отъ гробовъ Іосифа и Никодима до придѣла Раздѣленія ризъ, съ небольшимъ 32 сажени, слѣдовательно и здѣсь онъ уступаетъ четыремя саженьми Воскресенскому. — Но возвратимся въ соборъ; мы еще не были въ главномъ олтарѣ его и на Голгофѣ.»

Мы поднялись опять въ галерею, и Архимандритъ указалъ мнѣ подлѣ придѣла Терно-

ваго вѣнца келію Патріаршую, которая можетъ быть принадлежала нѣкогда Святителю въ Іерусалимѣ, но теперь обращена тамъ въ поварню заключеннаго храма. Рядомъ съ нею неправильно означается мѣсто жертвоприношенія Исаака, ибо оно снаружи примыкаетъ къ Голгоѣ и находится въ отдельномъ монастырѣ Авраама, не имѣющемъ никакого сообщенія съ храмомъ. Еще страннѣе перенесена сюда Самарійская темница Іоанна Предтечи, отстоящая на три дня пути отъ Іерусалима; здѣсь она помѣщена подъ жалостнымъ путемъ на Голгоѣ, который теперь уже уничтоженъ въ древнемъ храмѣ. Любопытно, что верхнія его ступени каменные, а нижнія деревянные; ибо когда обскли прямымъ уступомъ утесъ Голгоѣ, часть ступеней должно было додѣлать вѣ скалы, и ихъ срубили изъ дерева. Противъ сего жалостнаго пути мы взошли изъ галлерей въ боковыя южныя двери соборнаго олтаря.

Обширность его и, вмѣсто восточной стѣны, пять легкихъ аркъ на столбахъ, чрезъ которыя можно видѣть, какъ прежде бывало въ Іерусалимѣ, заднюю галлерей съ придѣломъ Раздѣленія ризъ, и горнее мѣсто на десяти ступеняхъ, съ престолами пяти вселенскихъ Патріарховъ, и хоры о семи ярусахъ на внутренней стѣнѣ иконостаса, въ память семи

Вселенскихъ соборовъ,— все давало чрезвычайное величіе олтарю сему, достойному подобнаго святилища. Архимандрить объяснилъ мнѣ, что на сихъ хорахъ становились пѣвчіе Патріаршіе, и по мѣрѣ возвышающейся торжественности святой литургіи, восходили все выше и выше, и стояли наконецъ на крайней высотѣ, какъ ангелы на небесахъ, во время совершенія самаго таинства; — какая глубокая мысль!

«Въ новомъ Іерусалимѣ, говорилъ Архимандрить, есть нѣкоторыя отличія въ самыхъ обрядахъ при Богослуженіи, перенесенныя отчасти съ Востока. Малые и великіе выходы во время литургіи совершаются здѣсь, не изъ сѣверныхъ дверей олтаря въ соборъ, но изъ боковыхъ въ галерею, и шестіе продолжается вдоль нея къ ротундѣ св. гроба, а оттолѣ чрезъ весь соборъ къ царскимъ вратамъ, которыя свѣщеносецъ отворяетъ снаружи, когда уже все духовенство стоитъ предъ ними. Но въ страстную седмицу священные обряды становятся у насъ еще торжественнѣе и они совершенно напоминаютъ обряды древняго Іерусалима. Двѣнадцать евангелій о страстяхъ Господнихъ читаются на Голгоѣ, предъ самымъ крестомъ, равно какъ и часы великаго пятка, и у подножія сего же креста полагается плащаница, для которой готовится

два одра, одинъ на Голгоѣ, а другой внизу у камня муропомазанія. Въ уставленный часъ, мы опускаемъ плащаницу на холстахъ съ вершины священной горы и, въ память повитія, положивъ у камня на одрѣ, несемъ на ономъ около всего олтаря по галереи въ соборъ Воскресенія, гдѣ остается она до утра великой субботы. Тогда же послѣ пѣнія *Слава въ вышнихъ Богу*, мы опять поднимаемъ плащаницу вмѣстѣ съ одромъ и снова несемъ къ камню повитія, гдѣ читается трогательное Евангеліе: « По сихъ же моли Пилата Іосифъ иже отъ Аримаѣи, сый ученикъ Іисусовъ, потаенъ же страха ради Іудейска, да возметъ тѣло Іисусово. » Оттолъ шествіе продолжается вновь кругомъ олтаря соборнаго, и кругомъ всей ротунды св. гроба, съ тремя литіями позади горняго мѣста: предъ раздѣленіемъ ризъ, у сѣверныхъ вратъ храма и позади часовни гроба, и послѣ троекратнаго вокругъ нея обхожденія, я вмѣстѣ съ однимъ священникомъ снявъ съ одра плащаницу, вношу ее во гробъ и полагаю на камнѣ, гдѣ должно было лежать Божественное тѣло, а у самыхъ дверей гроба читается Евангеліе, оканчивающееся сими словами: «они же шедше утвердиша гробъ знаменавше камень съ кустодіею. » —

На литургіи, другой не менѣ трогатель-

ный обрядъ умиляетъ сердце; во время пѣнія вечерней пѣсни *Свѣте тихій*, духовенство исходитъ изъ соборнаго олтаря и, обойдя всю ротунду, становится предъ часовнею гроба, и когда церковь благоговѣнно внемлетъ стихи сїи: *пришедше на западъ солнца видѣвше свѣтъ вечерній*, мы опять выносимъ изъ св. гроба плащаницу и взошедши въ олтарь, разстилаемъ ее на престолѣ. Наканунъ Вознесенія, въ праздникъ отданія Пасхи снова повторяется вся утренняя церемонія великой субботы съ тою только разницею, что плащаницу не оставляютъ во св. гробѣ, но тотчасъ же поднявъ съ камня, несутъ жалостнымъ путемъ на Голгофу, въ церковь страстей Господнихъ, гдѣ всегда она пребываетъ на престолѣ.

«Возженіе святаго огня въ великую субботу, котораго вы были свидѣтелемъ въ Іерусалимѣ, воспоминается у насъ торжественною церемоніею въ самый день Пасхи. Подобно какъ и въ Палестинѣ, весь духовный соборъ въ полномъ облаченіи, безъ свѣтильниковъ, исходитъ изъ олтаря съ пѣснію: *Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси*, и обошедши однажды галерею и трижды часовню гроба, останавливается предъ нею. Я одинъ вхожу съ діакономъ во святилище гроба, и тамъ возжегши приготовленныя свѣчи, огнемъ отъ лампы, подаю ихъ изъ

самаго вертепа діакону съ привѣтствіемъ: *Христось воскрес!* а онъ передаетъ ихъ чрезъ окно, изъ преддверія Ангела, по обряду св. земли, духовенству, и тогда взошедши во св. гробъ для поклоненія, оно начинается въ преддверіи самую утренню. При пѣніи же канона Пасхи: *да воскреснетъ Богъ*, мы снова исходимъ къ народу, и утрення оканчивается въ соборномъ олтарѣ, какъ и въ древнемъ Іерусалимѣ, которому новый не уступаетъ подражаніемъ великихъ обрядовъ.»

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы взойшли на Голгоу, но не жалостнымъ путемъ, а особеннымъ восходомъ изъ олтаря. «Вы видите, продолжалъ Архимандрить, у насъ нѣтъ престола на самомъ мѣстѣ распятія, а только водружень кипарисовый крестъ, на краю обѣщаннаго утеса, близъ расѣлины, напоминающей ужасъ самыхъ камней, и вотъ подлѣ драгоцѣнная икона Божіей матери, присланная съ Аѳона Патріарху; она поставлена здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла при крестѣ пречистая Дѣва. Страшное же воспоминаніе искупительной жертвы совершается у насъ на другой половинѣ Голговы, въ придѣлѣ страстей Господнихъ, по описанію принадлежащемъ въ Іерусалимѣ Латинамъ, а у наружнаго крыльца на Голгоу, вмѣсто ихъ церкви во имя св. Елены, которая отдѣлена отъ храма, здѣсь

устроенъ придѣль Маріи Египетской, въ память ея моленія предъ иконою Владычицы. Замѣчательны желѣзная узорчатая дверь, ведущая снизу въ сей придѣль и другая подобная на Голгоѣ: онѣ обѣ присланы изъ за моря.»

О какъ живо напомнила мнѣ сія Воскресенская Голгоѣа Голгоѣу Палестины, какъ утѣшительно повторились опять моему сердцу священныя ночи страстной седмицы, проведенныя на семъ искупительномъ утѣсѣ, который одолѣлъ врата ада!... Молча стоялъ я и припоминалъ себѣ каждое мгновеніе, каждое мѣсто молитвы! я смотрѣлъ на высокій кипарисовый крестъ и не сожалѣлъ, что не было предъ нимъ престола, какъ въ Іерусалимѣ! Иконостасъ олтаря закрытъ бы неправильный уступъ утеса, гдѣ водруженъ былъ самый крестъ, и разсѣлину Голгоѣы, и отверстія въ камнѣ, гдѣ стояли кресты двухъ разбойниковъ, посреди коихъ мѣриломъ праведнымъ былъ крестъ Господень, когда одинъ изъ нихъ низводился въ адъ тяготою хуленія, а другой облегчался отъ грѣховъ познаніемъ Бога. Въ Іерусалимѣ же на открытомъ престолѣ совершается страшная жертва, какъ бы въ обличеніе дерзающихъ безъ трепета предстоять ей на дрогнувшей Голгоѣ.

«Ваша Голгоѣа, сказалъ я Архимандриту,

есть драгоценный снимокъ съ древняго образа ея, каковъ онъ былъ до пожара. Самая неправильность косаго уступа скалы ручается за вѣрность подражанія; но тамъ, та же рука, которая дерзнула возвысить низменные двери св. гроба, коснулась и священнаго утеса Голгофы и обскла его въ видѣ прямой ступени. Нѣтъ тамъ болѣе и жалостнаго пути, уничтоженнаго по распрямъ разноплеменныхъ, а здѣсь вы ежегодно воспоминаете на святыхъ его ступеняхъ тяжкое несеніе креста. Теперь, въ свою очередь, ваша Голгова могла бы служить образцемъ Иерусалимской! — Но скажите, кто изображенъ на этой потускнѣвшей картинѣ, которая виситъ на среднемъ столбѣ, поддерживающемъ своды Голгоеской церкви?»

— Здѣсь четыре лица, отвѣчалъ Архимандритъ: два стоящихъ въ одеждѣ царской, — равноапостольный Царь Константинъ и мать его святая Елена, основатели Иерусалимскаго храма; у ногъ ихъ, преклоненные на колѣняхъ, также въ облаченіяхъ царственныхъ, — благочестивые зиждители Новаго Иерусалима, Царь Алексѣй Михайловичъ и супруга его Марія Ильинишна. —

«Какъ прилично и выразительно, прервалъ я: эта картина въ своемъ родѣ то же, что и надпись: Петру первому Екатерина вторая.»

— Теперь пойдёмъ подъ Голгоу поклониться праху самаго строителя Патріарха Никона, сказалъ Архимандрить, и мы сошли жалостнымъ путемъ въ южный притворъ, а оттолъ въ темную церковь Предтечи подъ Голговою. Невольно остановился я въ тѣсныхъ дверяхъ ея и взглянулъ по сторонамъ; но не было здѣсь у входа царственной стражи, гробовъ Готфреда и Балдуина! грустно вспомнилъ я, что нѣтъ ихъ болѣе и въ Іерусалимѣ; — и тамъ однѣ лишь мѣста истребленныхъ гробницъ! Мрачно было въ церкви Предтечи, будто въ нѣдрахъ земли! направо отъ входа теплилась въ углу лампада предъ иконою пречистой Дѣвы, едва освѣщая каменный гробъ, и на немъ тяжкія вериги.

«Отець Архимандрить, прочтите литію надъ симъ гробомъ,» сказалъ я, и онъ произнесъ:

«Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія святѣйшаго Патріарха Никона, и о еже простится ему всякому прегрѣшенію вольному же и невольному.» По возгласеніи вѣчной памяти, Архимандрить говорилъ мнѣ:

«Сія икона была келейною Патріарха и всюду ему сопутствовала, вотъ и другая мѣдная, складная, которую носилъ на груди; она столь же тяжела, какъ и самыя вериги, но

хоть ихъ едва можетъ поднять рука ваша, Патріархъ Никонъ не снималъ ихъ съ себя ни въ теченіи девяти лѣтъ, проведенныхъ здѣсь на столпѣ своемъ, въ самовольномъ изгнаніи, ни во время пятнадцатилѣтняго заточенія на Бѣломъ озерѣ. Такъ ревностно любилъ онъ труды постническіе, къ коимъ приучилъ себя еще въ Анзерскомъ скитѣ, на дикихъ островахъ Соловецкихъ. Видѣли ль вы здѣсь его пустынный столпъ или скитъ въ долину, на берегу Истры?»

— Прежде я посѣщалъ его и дивился странному устройству келій и тѣснотѣ двухъ-ярусной церкви, Благовѣщенія и верховныхъ Апостоловъ, гдѣ едва можетъ помѣщаться одинъ служащій. —

«Тамъ однако же помѣщался девять лѣтъ Никонъ, по примѣру древнихъ столпниковъ, и будучи еще во всемъ величіи высокаго сана, служилъ ежедневно литургію какъ простой пресвитеръ. Съ вершины уединеннаго столпа своего, Патріархъ по любви ко всему, что только могло переносить его мысленно во Святую землю, даль окрестности названія Палестинскія. Истра текла для него Иорданомъ; малый протокъ, изрытый имъ не далеко отъ пустыни, былъ названъ Кедромъ, ибо онъ протекалъ близъ Новаго Іерусалима. Село Ску-

дельничье и Назареть, и Рама и Уріина роща явились вокругъ его обители, и священныя горы: Элеонъ, и Фаворъ, и Эрмонъ, повторились именами на сосѣднихъ высотахъ. Здѣсь же подъ Голговою избралъ онъ самъ себѣ успокоеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ въ Іерусалимѣ священникъ Бога вышняго Мельхиседекъ, и здѣсь съ трогательною любовію къ усопшему упокоилъ его благочествый Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.»

Я отвѣчалъ: «Если трогательно погребеніе Патріарха кроткимъ Царемъ Ѳеодоромъ, еще умилительнѣе кончина Никона, на возвратномъ пути его изъ заточенія. Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе Царя и Патріарха: возвратить узника въ его Воскресенскую обитель, онъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и къ общему изумленію велѣлъ собираться своей келейной братіи; скоро указъ Царскій разрѣшилъ недоумѣніе. Съ трудомъ посадили въ сани изнуреннаго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ, по которой спустилися въ Волгу; здѣсь привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря. Никонъ велѣлъ плыть Волгою внизъ къ Ярославлю, и причаливъ у Толгскаго монастыря, приобщился запасныхъ

даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игуменъ съ братією вышли къ нему на срѣтеніе, и съ ними вмѣстѣ сосланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій Архимандритомъ Сергій, который во время суда, содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Сему Сергію, заснувшему въ трапезѣ, въ часъ приплывтія Патріарха, видѣлся сонъ: самъ Никонъ ему явился, говоря: «брате Сергіе востани, сотворимъ прощеніе!» и внезапно постучался въ двери монастырскій сторожъ съ вѣстію, что шествуетъ Волгою Патріархъ и братія уже потекла на встрѣчу. Вслѣдъ за нею устремился раскаявшійся Сергій, и увидя умирающаго, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ христіанское прощеніе. Патріарху уже наступала смерть когда опять тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе, слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ, и видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ къ нему припадали, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали; такъ причаляли къ обители всемилостиваго Спаса, и здѣсь ожидала встрѣча Архимандрита и Воеводы.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ вѣсѣмъ руку. Тогда духовникъ его и діакъ Царскій

велѣли перевезть стругъ на другой берегъ, чтобы избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколъ къ вечернѣ, — Никонъ сталъ кончаться! Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы, и браду, и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братіею прочитали отходныя молитвы, Патріархъ же, распростершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, вздохнувъ, — отошелъ съ миромъ. Между тѣмъ благочестивый Царь Θεодоръ, не зная о его преставленіи, послалъ на встрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщаль о своей духовной Никонъ? — Услышавъ же, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприкащикомъ и во всемъ на него положился, кроткій Царь съ умиленіемъ сказалъ: если такъ святѣйшій Никонъ Патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ, и я его въ забвеніи не положу! Онъ велѣлъ везти тѣло его въ новый Іерусалимъ.» . . .

Я остановился, Архимандритъ молчалъ. «Вы такъ снисходительны, и сказалъ я, что слушаете меня со вниманіемъ, какъ будто я рассказываю что либо для васъ новое.» — И точно для меня совершенно ново,

отвѣчалъ онъ, слышать повѣствованіе о кончинѣ Патріарха надъ самою его гробницею. —

«И близь нея мы разстанемся, возразилъ я, мнѣ уже время продолжать путь свой къ Волоколамску, а радушный пріемъ вашъ навсегда останется въ моей памяти.» — Мы разстались.

Изъ подъ арки святыхъ воротъ, опять окинулъ я прощальнымъ взоромъ величественный храмъ Воскресенія; потомъ, переступивъ за ограду Новаго Іерусалима, грустно пошелъ къ Элеону, повторяя въ мысляхъ стихи псалма:

«На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона....
Аще забуду тебе Іерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началъ веселія моего!» —

В А Л А А М Ъ.

Обитель Валаамская, на пустынномъ острову Ладожскаго озера, давно уже привлекала мое вниманіе, какъ одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и я воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы посѣтить ее, захавъ на перепутіи въ Выборгъ и на Иматру. Въ сей послѣдней ожидалъ я по описаніямъ видѣть другую Ніагару, и удивился, когда подъ громкимъ именемъ водопада, представились мнѣ одни пороги; — со всѣмъ тѣмъ они живописны.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло, и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколь не находитъ себѣ болѣе пространнаго ложа. Утеси-

стые, зеленые берега его покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой Англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала видѣнь вдали лѣсистый островъ, внизу же противъ поворота рѣки лежитъ на горѣ селеніе; — такова Иматра!

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки на шумное страданіе волнь: съ какимъ ужасомъ скачуть онѣ, одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ, съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинныя плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый Духъ этой бездны, и какъ наконецъ его измученные дѣти, всѣ изрѣзанные камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла одною широкою волною, разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса, — она достигла цѣли, и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнь, и будто хочетъ разобрать въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа, подъ печатію своего безмольнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоиими славятся окрестности на-

шей столицы, но воды Нарвы падают однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣсняются по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, и столько же скоротечно; — впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обѣихъ; но въ Нарвѣ — это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препону, въ Иматрѣ — это вопль казни и мученія; все пусто и уныло окрестъ нее, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги; рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ виднѣсь городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племена положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозитъ на многобашенный Иванъ-городъ, поставленный гранію грознаго Царя на рубежѣ Меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ двухъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

Помню еще одни пороги, которые видѣлъ за нѣсколько лѣтъ близъ Умани, въ имѣ-

нѣи Потоцкихъ. Они мнѣ тогда нравились болѣе, нежели теперь Иматра и Нарва, по близости предмета, быть можетъ и потому, что безпечный юноша болѣе утѣшался въ то время зрѣлищемъ бурь, имъ не испытанныхъ еще на житейскомъ поприщѣ; нынѣ же съ симъ воспоминаніемъ сливается память невозвратимыхъ людей и событій. Отъ живописныхъ пороговъ Антоновки и до Иматры, чрезъ сколько бурныхъ пороговъ перекипѣла собственная жизнь моя! Тамъ, быстрый потокъ Ингульца, раздробляясь о камни промежду безчисленныхъ мельницъ, съ шумомъ подбѣгаетъ подъ нависшіе своды поросшихъ лѣсомъ утесовъ, метая въ нихъ свою сѣдую пѣну, какъ мечеть по вѣтрамъ косматую гриву неукротимый конь Запорожца.

Но увлеченный вновь воображеніемъ въ зеленныя степи Украины, я позабылъ, что нынѣ путь мой по дикой Финляндіи! — Унылы мѣста сіи; мало жизни въ людяхъ и предметахъ; повсюду лѣсистыя горы и глухія озера, и однообразный гранитъ выставляетъ по рубежу дороги, пустынные скрижали, на коихъ пишутъ свои тайныя руны мимотекущее время.

Достигнувъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера, я остановился съ двумя моими спутниками въ городъ Сердоболь, на Валаамскомъ

подворья, гдѣ ожидала насъ монастырская лодка. Самая обитель лежитъ на острову за 40 верстъ, изъ коихъ первые пятнадцать плаваніе совершается по заливамъ. Хотя мы довольно рано пустились въ путь, — онъ однако же продолжался за полночь; при самомъ выходѣ изъ губы, густой туманъ палъ на озеро, и поднялся свѣжій, противный вѣтеръ. Молва о Ладожскихъ непогодахъ колебала нѣсколько довѣренность нашу къ кормчему, долго служившему на морѣ, прежде нежели посвятилъ себя церкви; и онъ начиналъ уже скупать, что долго не прорѣзываются изъ тумановъ свѣтлые куполы и бѣлая колокольня. Внезапно посреди безмолвія ночи и плывущихъ, духовная пѣснь его огласила воды; кормчій иннокъ, двигая руль свой, по угадываемому имъ направленію Валаамъ, призывалъ себѣ на помощь его пустынныхъ основателей:

«Отъ мірскаго житія изшедше, отверженіемъ же міра Христу послѣдовасте и достигосте великаго Нева озера и въ немъ на островѣ Валаамъ всельшеся, равноангельское житіе пожиле есте; — отъ онудуже веселящеся прешли къ небеснымъ чертогамъ, и нынѣ со ангелы владычню престолу предстояще, поминайте насъ чадъ своихъ, яже собрали богомудріи, да радостно отъ души вопі-

емъ: радуйтесь Сергіе и Германе, отцы пре-
блаженніи. »

Трогательна и величественна была въ сіе
мгновеніе пѣснь его на сумрачномъ озерѣ.
Скоро показалась вдали гряда острововъ, окру-
жающихъ Валаамъ, и на краю онаго святой
островъ, гдѣ долго спасался въ пещерѣ св.
Александръ Свирскій. — Вѣтеръ увлекъ насъ
нѣсколько ниже устья внутренняго протока,
который раздѣляетъ самый Валаамъ, и мы
проникли въ протокъ сей промежду малыхъ
островковъ, наполняющихъ пространное его
устье. На одномъ изъ нихъ стоитъ часовня
во имя чудотворца Николая и въ ея стеклян-
номъ куполѣ горитъ ночью лампада, какъ свя-
щенный маякъ для направленія плывущихъ.
Слѣдуя по широкому протоку до его крутаго
изгиба, мы наконецъ увидѣли надъ собою
сквозь зелень деревъ, поросшихъ на гранит-
ныхъ утесахъ, бѣлую ограду и самый мона-
стырь, рѣзко отдѣляющійся изъ чащи. Поло-
женіе его уединенно и живописно и, что весь-
ма рѣдко, первоначальный взглядъ на обитель
соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Соборный коло-
коль ударилъ два часа ночи, и мы спѣшили
отдохнуть въ гостинныхъ келліяхъ отъ бур-
наго плаванія.

Глубокая древность покрываетъ неизвѣ-
стностію и сомнѣніемъ начала Валаамской

обители, и лѣтописи не опредѣляютъ времени преподобныхъ Сергія и Германа, коихъ житіе даже утрачено, вѣроятно по случаю частыхъ войнъ Новгорода со Шведами, не разъ опустошавшими монастырь. Мѣстные же преданія, основываясь на словахъ Нестора, о приходѣ св. Апостола Андрея къ Славянамъ Новгородскимъ, продолжаютъ его путешествіе далѣе на сѣверъ по Волхову, и даже Ладожскимъ озеромъ на Валаамъ, гдѣ будто бы благословилъ онъ пустынный островъ каменнымъ крестомъ.

Тѣ же темныя преданія называютъ Сергія однимъ изъ апостольскихъ учениковъ, съ людьми Новгородскими посѣтившимъ сей островъ, гдѣ крестилъ язычниковъ и между ними нѣкоего Мунга, котораго предполагаютъ быть Германомъ; но вся сія повѣсть, извлеченная изъ древней рукописи *оповѣдь*, ничѣмъ не доказана. Съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести житіе преподобныхъ ко временамъ Княгини Ольги, и нѣкоторые думаютъ, что они были Греческіе выходцы, искавшіе просвѣтити Сѣверъ; а въ рукописномъ житіи св. Авраамія Ростовскаго видно, что обитель Валаамова имѣла уже въ 960 году игумена Θεоктиста, окрестившаго изъ язычниковъ просвѣтителя Ростова, который въ свою чреду пошелъ къ югу сокрушать идоловъ и осно-

валь на Ростовскомъ озерѣ свою обитель въ 990 году, всѣхъ древнѣйшую по лѣтописямъ, Такимъ образомъ первая искра Христіанства блеснула съверу съ Валаама, и островъ сей былъ разсадникомъ пустынножителей въ полунощной странѣ.

11632. По Софійскому лѣтописцу, мощи преподобныхъ обрѣтены были и перенесены въ Новгородъ при Архіепископѣ Іоаннѣ I, въ 1361 году; но тогдашнее состояніе края Карельскаго въ подданствѣ Швеціи подало поводъ новѣйшимъ писателямъ сомнѣваться въ точности лѣтосчисленія и относить сіе событіе ко времени Іоанна II, въ исходѣ XIV вѣка, а житіе Сергія къ половинѣ онаго; но и этому предположенію нѣтъ доказательствъ; самая неизвѣстность говорить въ пользу древности. Обратное же перенесеніе св. мощей на Валаамъ, послѣдовало при томъ же великомъ святителѣ Новгородскаго, по минованіи Шведскаго набѣга въ 1170 году.

Обитель была уже въ полномъ цвѣтѣ въ концѣ XIV столѣтія, когда святой игуменъ Арсеній, возвратясь съ иконою Божіей матери изъ Аѳонской горы, по благословенію Новгородскаго Владыки св. Евфимія, искалъ уединиться на Ладожскомъ озерѣ, и спасаясь нѣсколько времени на Валаамѣ, при игуменѣ Порфиріѣ, по многочисленію его иноковъ, сто-

шелъ на безмолвіе въ Коневъ, необитаемый островъ, гдѣ истребивъ требища идольскія на такъ называемомъ Конь камнѣ, основалъ свой монастырь.

Другой именитый отшельникъ замѣнилъ его на Валаамъ: св. Савватій пришелъ подвизаться отъ Бѣла-озера, гдѣ былъ постриженъ въ Кириловой обители; но увлекаемый далѣе на сѣверъ жаждою одиночества, сей великій труженикъ обрѣлъ себѣ мысленный рай на льдахъ Бѣлаго моря, и поборая व्यюги его, какъ поборолъ свои страсти, нашелъ святыхъ послѣдователей на Соловецкихъ островахъ.

Еще однимъ славнымъ подвижникомъ просіяла пустыня Валаамская, въ концѣ XV вѣка. Преподобный Александръ Свирскій, въ ранніе годы возбужденный къ иночеству божественнымъ видѣніемъ, бѣжалъ изъ дома родительскаго, чтобы постричься на островъ отъ руки игумена Іоакима, и многіе годы спасался въ уединеніи святаго острова, смѣжнаго Валааму, гдѣ доселѣ показываютъ его вертепъ, изсѣченный въ скалѣ, доколѣ не воззвалъ его вновь горній гласъ къ основанію собственной пустыни, въ лѣсахъ, на берегу Свири, и не далеко отъ родственнаго озера, гдѣ Провидѣніе заранѣе указало ему мѣсто.

Столь великими угодниками прославился дикій Валаамъ, столь дивныя обители процвѣ-

ли отъ сего благословеннаго корня, какъ вѣтви пустившія отъ себя еще многія отрасли. Но, оплодотворяя окрестныя пустыни, самъ онъ подвергался раззореніямъ и даже совершенному запустѣнію. Когда въ бѣдственное время междуцарствія Шведскій полководецъ Де ла Гарди громилъ сѣверныя предѣлы наши, иноки Валаама и Конева, подъявъ мощи своихъ чудотворцевъ, бѣжали въ Никольскій монастырь Старой Ладogi, гдѣ основались на долго. Чрезъ сто уже лѣтъ, монахи Бѣлоозерскіе начали мало по малу вновь устроить падшую обитель и святые угодники преплыли снова родственный имъ волны, чтобы на вѣки упокоиться на поприщѣ житейскаго своего подвига; 11-го Сентября празднуютъ ихъ перенесеніе. Еще недавно одна только деревянная церковь стояла надъ ихъ гробомъ, и одинокій Игумень Ефремъ, съ двумя бѣлыми священниками удовлетворялъ молитвами усердію притекающихъ, но въ 1785 году Митрополитъ Гавріиль, подвигнутый древнею славою Валаама и его уединеніемъ, пожелалъ вновь устроить обитель. По совѣту келейника своего Теофана, въ прошломъ году лишь совершившаго восьмидесятилѣтній подвигъ святой жизни на Новоозерѣ, вызвалъ онъ изъ Саровской пустыни знаменитаго добродѣтелями Назарія, и сей новый Игумень евангельскою

ревностію возсоздалъ монастырь наружно и внутренно, въ прежнемъ благолѣпіи. Зданія мало замѣчательны по новизнѣ своей: двойная ограда келій окружаетъ лѣтній соборъ, во имя Спаса преображенія, и въ нижней его церкви почиваютъ подъ спудомъ въ богатой серебряной ракъ мощи преподобныхъ. Зимній соборъ празднующій Успенію, прилегаеть къ ризницѣ и бібліотекѣ; позади онаго находится больница съ придѣломъ Живоначальнаго источника. Есть еще на святыхъ вратахъ церковь Апостоловъ Петра и Павла, и малый придѣлъ близъ собора во имя чудотворца Николая. Съ колокольни открывается весь лѣсистый островъ съ другими ему прилежащими и пространная пучина озера. Церковь праздновала на другой день нашего пріѣзда память благовѣрной княгини Ольги. Умилительно было на Ладожской пустынѣ прибѣгать къ молитвамъ святой жены, обнимая мыслію все огромное царство, обязанное ей первымъ лучемъ Христіанства. Изъ собора посѣтили мы Игумена В.....а, который, какъ достойный ученикъ Назарія, проведя 30 лѣтъ въ уединеніи, противъ желанія былъ вызванъ для управленія обителью. Онъ принялъ насъ ласково и благословилъ осмотрѣть все любопытное на Валаамѣ, въ сопровожденіи благочиннаго, бывшаго на нашей эскадрѣ во

время компаніи на Греческихъ водахъ. Сперва показалъ онъ намъ усыпальницу, или малое кладбище, гдѣ погребается одна братія, и только изрѣдка кто либо изъ поклонниковъ. Тамъ между смиренными именами Игуменовъ Иннокентія и Іоанаана, послѣдовавшихъ Назарію, меня изумила эпитафія, вырѣзанная на деревянной доскѣ, которую отъ времени до времени поновляютъ. Кто бы ожидалъ встрѣтить имя Шведскаго Короля Магнуса между иноками Валаама. Такова сія баснословная надпись:

На семь мѣстъ тѣло погребено,
Въ 1371 году земль оно предано,
Магнуса Шведскаго Короля,
Который святое крещеніе воспріа,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ,
Въ Швеции онъ въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360-мъ на престоль былъ возведенъ,
Велику силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ,
И о прекращеніи войны клятву давалъ,
Но преступивъ клятву паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился,
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дни и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами ко берегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ обитель внесень,

Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ ,
Потомъ вмѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дни, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Стихи сіи, судя по слогу, не старыхъ
временъ, но преданіе о Магнусѣ очень давнее,
и странно, какимъ образомъ могло оно сохра-
ниться въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, хотя
лѣтописи Шведскія ясно говорятъ, что Ко-
роль Магнусъ II, въ XIV вѣкѣ несчастливо
воевавшій съ Новгородцами въ Кареліи, былъ
въ послѣдствіи свергнутъ съ престола и за-
ключенъ въ темницу, отколь освобожденный
сыномъ своимъ Гаквиномъ Королемъ Норвегіи,
утонулъ на берегахъ ея въ 1372 году. Въ лѣ-
тописяхъ же Русскихъ вписано даже его мни-
мое завѣщаніе, коимъ запрещаетъ дѣтямъ вое-
вать съ Россіею. Темныя преданія Валаама
особенно замѣчательны; иноки его, какъ бы
недовольные славою собственныхъ великихъ
угодниковъ, подвизавшихся на островѣ, хотѣ-
ли имѣть основателемъ самаго Апостола, про-
свѣтившаго Россію, а въ числѣ братіи цар-
ственного врага ея, оружія коего сами трепе-
тали; и сіи два сказанія укоренились въ ихъ
дикой пустынѣ, подъ мракомъ среднихъ вѣ-
ковъ.

На краю усыпальницы зашли мы въ келію, изсѣченную въ полугорѣ, схимника Теодора, который былъ келейникомъ Игумена Назарія и избранъ для наставленія новопостриженныхъ. Онъ рассказывалъ о благой жизни своего учителя и по моему приглашенію взялъ свой посохъ, чтобы вмѣстѣ обходить прочія пустыни, разсѣянные по острову, коихъ числомъ до одиннадцати, но въ четырехъ только живутъ нынѣ отшельники. Современники Назарія, обремененные годами, уже не въ силахъ уединяться далеко отъ обители; изъ новыхъ же иноковъ не многіе рѣшаются на столь трудный подвигъ. Самые настоятели не всегда и не всѣмъ позволяютъ итти въ пустыню, ибо должно имѣть много вѣры и духа, чтобы преодолѣть скуку и страхъ одиночества, посреди лѣсовъ, и зимнія непогоды въ убогихъ хижинахъ, и скудость пищи, состоящей только изъ хлѣба и кореньевъ, или плодовъ. Но еще труднѣе имъ побороть внутренніе помыслы и тонкія искушенія врага духовнаго, иногда увлекающаго ихъ къ гибели увѣреніемъ въ собственной ихъ святости или отчаяніемъ о спасеніи. Горькіе примѣры сихъ двухъ опасныхъ состояній души являлись между пустынниками Валаама; и нѣкоторые изъ нихъ заплатили жизнь за свою самонадѣянность.

Еще недавно 70-ти лѣтній схимникъ,

многіе годы подвизавшійся въ пустынѣ, началъ въ послѣднее время избирать странныя пути для большаго умерщвленія плоти: недалеко отъ келліи устроилъ онъ изъ вѣтвей на вершинѣ высокой сосны листовенную хижину, куда не смотря на свою дряхлость ежедневно лазилъ для молитвы. Игумень опасаясь, чтобы онъ не упалъ, запретилъ ему сей родъ упражненія, но схимникъ, повинувшись только наружно, не смирился духомъ, но перемѣнивъ пустыню, сталъ помышлять о новомъ какомъ либо необитаемомъ пріютѣ. Братія, не видя его въ церкви уже нѣсколько праздниковъ, на которые обязаны ходить и самые отшельники, безпокоилась о его участи, ибо онъ однажды говорилъ, что хочетъ устроить нѣчто дивное; наконецъ два послушника, закидывая съѣти на берегу протока, увидѣли въ водѣ разбитое тѣло схимника. Стараясь изсѣчь себѣ келлію, на неприступномъ утесѣ, онъ поднялся къ его вершинѣ по вѣтвямъ сосѣдняго дерева и началъ уже долбить камень, но круженіе головы низвергло его въ пропасть.

Я спросилъ схимника Θεодора: какимъ образомъ спасались отшельники во дни Назарія? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Игумень, зная всю трудность сего подвига, ибо самъ сперва жилъ внѣ монастыря въ пустынѣ, строго ве-

лѣль схимникамъ приходить исповѣдывать другъ другу всѣ малѣйшіе помыслы, какіе только возникнуть во глубинѣ ихъ сердца, дабы не дать созрѣть имъ въ одиночествѣ къ погибели душевной. Бывали такіе случаи, что изъ любви къ ближнему, отшельники иногда силою проникали въ заключенныя келліи своихъ собратій, когда они возносясь умственно, начинали чуждаться всякаго сообщенія, почитая себя уже на высшей степени созерцанія, и заставляли ихъ сознаваться въ своемъ обольщеніи. Изъ скромныхъ рѣчей престарѣлаго Теодора, видна была его опытность въ духовной жизни, полагавшая смиреніе основнымъ камнемъ пустынной келліи.

Послѣ гостепріимной трапезы продолжали мы осматривать пустыни, слѣдуя въ лодкѣ по каналу, который раздѣляетъ островъ на два: Валаамовъ собственно и Скитскій. Оба вмѣстѣ имѣютъ до тридцати верстъ окружности и поросли глухимъ лѣсомъ: около нихъ еще нѣсколько островковъ принадлежать монастырю, доставляя ему обильный сѣнокосъ. Домашній скотъ запрещенъ на Валаамѣ и тамъ нѣтъ другаго звѣря, кромѣ оленей, заблужавшихъ по льду съ Финскаго берега. Одинъ изъ нихъ, въ бѣдственномъ положеніи, былъ прибитъ бурей на льдинѣ и гостепріимно принятъ иноками; но Игумень, опасаясь слиш-

комъ развлечь ихъ сею невинною забавою, велѣлъ пустить его въ лѣсъ, гдѣ скоро одичалъ. Отшельники сіи иногда только встрѣчаютъ оленей въ чащѣ лѣса, или съ пустыннаго берега видятъ, какъ хитрыя лисицы таскаютъ изъ воды рыбу, принесенную весенними льдами, и вотъ единственные жители, раздѣляющіе съ ними дикое уединеніе.

Такъ живописны утесистые берега протока, поросшіе соснами, кленомъ и березою, такъ разнообразны ихъ зелень и виды, что намъ казалось: мы плывемъ посреди величественнаго сада, въ коемъ искусство восползовалось мѣстными красотами природы, и по своей прихоти направило изгибы водяной стези. Въ рощѣ Скитскаго острова, на возвышенной полянѣ, нашли мы малую церковь всѣхъ Святыхъ, и около нея нѣсколько хижинъ, составляющихъ скитъ неусыпаемыхъ. Тамъ никогда не прерывается чтеніе псалмовъ, и восемь отшельниковъ смѣняются каждыя два часа. Сія малая пустыня устроена Игуменомъ Назаріемъ для ищущихъ совершеннаго покоя, при самой строгой жизни, въ подражаніе знаменитой обители Царьградской Св. Маркелла. Церковь была отперта и слышался внутри ея томный голосъ чтеца; блѣдный, изнуренный, онъ стоялъ предъ на-

лоемъ. Мы вошли тихо; — не заботясь о живыхъ, онъ продолжалъ псалтырь за усопшихъ. За версту отъ скита, въ лѣсу и болотѣ, посѣтили мы еще одного отшельника въ келліи, принадлежавшей прежде игумену Варлааму, гдѣ онъ оставилъ въ наслѣдство новому ея жителю гробъ, имъ самимъ устроенный, для временнаго отдыха при жизни, для вѣчнаго по смерти. Въ лѣтнее время множество комаровъ не даютъ ни минуты покоя въ этомъ пріютѣ; но пустынный увѣрялъ насъ, что они ему полезны, высасывая всю лишнюю кровь.

Вечеромъ возвратясь въ монастырь, мы снова посѣтили Игумена. Я говорилъ ему о новой келліи, которую строить онъ для себя близъ скита, ибо смиренный старецъ, скучая настоятельствомъ, жаждалъ только безмолвія пустыннаго. Отклоняя рѣчь о самомъ себѣ, Игуменъ завелъ бесѣду о душевной пользѣ уединенія. Когда же, разсуждая о различныхъ путяхъ ко спасенію, я сказалъ: какъ оно трудно! — «согласенъ, что трудно, отвѣчалъ онъ, но и стыдно, если не спасемся; ибо какой отвѣтъ дадимъ предъ язычниками, во мракѣ жившими до искупленія, — мы, столь ярко озаренные свѣтомъ Евангелія, которое во всякомъ быту открыло намъ пути къ царствію.» Въ подтвержденіе своей бесѣды Игу-

мень предложилъ мнѣ житіе своего Ангела, пустытника Варлаама и обращеннаго имъ Царевича Іосафа, а я вкратцѣ излагаю здѣсь сіе прекрасное сказаніе св. Іоанна Дамаскина.

Въ Индіи, гдѣ проповѣдь Апостола Ѳомы посѣяла первыя сѣмена Христіанства возсталъ нечестивый Царь Авенирь; жестокими гоненіями старался онъ искоренить въ областяхъ своихъ благія начала вѣры, и принудилъ Христіанъ бѣжать въ горы и пустыни. Ему родился прекрасный младенецъ Іосафъ, и собранные волхвы всѣ общали новорожденному свѣтлое царство; одинъ только изъ ихъ числа предвѣщалъ, что не земное царство назначено будущему покровителю Христіанъ. Огорченный Царь велѣлъ заключить сына въ уединенный дворецъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не открывать ему о существованіи Христіанъ; чтобы не огорчить юной души зрѣлищемъ житейскихъ бѣдствій, онъ воспитывалъ его въ невѣденіи недуговъ и смерти, удаляя, при малѣйшемъ признакѣ грусти или болѣзни, юношей, избранныхъ для его развлеченія.

Но когда съ лѣтами постепенно развивались понятія Царевича, онъ началъ скучать своимъ заключеніемъ и упросилъ слабаго родителя дозволить ему взглянуть на міръ. Тщетно Царь велѣлъ показать ему во всемъ блескѣ

и торжествъ столицу, при кликахъ народныхъ, при мусикійскомъ хорѣ; вопреки мѣрамъ чело-вѣческой предосторожности. Иосафъ нечаянно встрѣтилъ на стогнахъ, сперва слѣпаго и прокаженнаго, а потомъ дряхлаго старца, и любопытствуя о ихъ участи, съ ужасомъ узналъ горькую истину, что каждый можетъ подвергнуться подобнымъ бѣдствіямъ, и что предѣлы старости есть смерть, часто настигающая и юношей. Пораженный сею вѣстію Царевичъ, возвратясь въ чертоги, сталъ тосковать о непрочности всего житейскаго и не-вольнo переносясь мыслями за предѣлы сей жизни, испытывалъ у друзей своихъ, нѣтъ ли какого либо другаго міра въ вознагражденіе за суеты здѣшняго? Тогда одинъ изъ нихъ, подвижный состраданіемъ, открылъ ему, что есть люди проповѣдующіе о блаженствахъ грядущей жизни, и что страхъ обращенія къ ихъ вѣрѣ былъ виною столь долгаго его заключенія. Иосафъ пламенно возжелалъ бесѣдовать съ ними.

Въ сіе время, спасавшійся въ Индіи пустынный Варлаамъ, свыше извѣщенный о благомъ расположеніи Царевича, возложилъ на себя подвигъ просвѣтить его Христіанствомъ. Въ одеждѣ купеческой проникнулъ онъ во дворецъ и просилъ у ближайшаго царедворца дозволенія видѣться съ Иосафомъ. Я имѣю,

говорилъ старецъ, драгоцѣнный камень для
вашего владыки, исцѣляющій отъ всѣхъ неду-
говъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и ему одному
только могу показать его, ибо камень сей
ослѣпляетъ тѣхъ, которые не чисты серд-
цемъ. Допущенный къ юному затворнику Вар-
лаамъ втайнѣ открылъ ему о бытіи Божіемъ,
о созданіи міра и высокой цѣли человѣчества;
описалъ горькое его паденіе и дивное иску-
пленіе чрезъ посредничество Бого-человѣка и
обѣщалъ грядущую вѣчную жизнь въ замѣнъ
странствія на землѣ. Восхищенный симъ бо-
жественнымъ ученіемъ Царевичъ уразумѣлъ,
что драгоцѣнный камень пустытника есть
самъ Христосъ и немедленно просилъ креще-
нія. Радостный старецъ совершилъ сіе вели-
кое таинство и исполнивъ его духовнымъ утѣ-
шеніемъ, удалился въ пустыню: «сынъ не-
беснаго отца, сказалъ онъ, прощаясь, сиротью-
щему юношѣ, мы еще свидимся въ сей
жизни.»

Но царедворецъ, испуганный обращеніемъ
Іоасафа, который тщетно хотѣлъ просвѣтить
его Христіанствомъ, помышлялъ только о
избѣжаніи заслуженной казни и заблаговре-
менно самъ во всемъ признался Авениру. Раз-
гнѣванный Царь послалъ избить всѣхъ пу-
стынниковъ въ своей области, чтобъ въ ихъ
числѣ погибъ и Варлаамъ, но воины не мо-

гли найти его вертепа. Тогда нѣкто изъ вельможъ, видя отчаяніе Государя, совѣтоваль ему коварствомъ уловить Іоасафа. «Предложи Царевичу, сказалъ онъ, собрать для совѣщанія нашихъ жрецовъ и его единовѣрцевъ. Есть между волхвами одинъ весьма похожій на Варлаама, глубоко знающій всѣ таинства ученія Христіанскаго. Мы распустимъ молву о взятіи пустынника, волхвъ представитъ лице его на совѣтъ и послѣ долгаго прѣнія о вѣрѣ, признаетъ истину нашей; пристыженный Іоасафъ невольно послѣдуетъ мнимому учителю. Съ радостію принявъ Царь коварное предложеніе вельможи, и обѣщавъ безопасность всѣмъ Христіанамъ, желающимъ состязаться съ волхвами. Совѣтъ собрался; самъ Авениръ, присутствуя на тронѣ, грозилъ жрецамъ своимъ казню въ случаѣ ихъ посрамленія. Но хитрость отца не могла утаиться отъ проницательныхъ взоровъ Іоасафа; съ своей стороны обѣщавъ онъ мнимому Варлааму тяжкія муки, если не одержитъ побѣды; смятенный волхвъ, по страху смерти, краснорѣчиво опровергалъ лжеученіе язычниковъ, и убѣждая другихъ, самъ невольно убѣдился въ истинѣ.

Не видя болѣе никакихъ средствъ для возвращенія сына съ избраннаго имъ пути ко спасенію, и движимый отеческою любовію Царь рѣшился раздѣлить съ нимъ государ-

ство, чтобы не стѣснять другъ друга въ вѣрѣ. Но когда въ теченіи трехъ лѣтъ область сыновняя процвѣла Христіанствомъ и самъ онъ увидѣлъ благія плоды кроткой вѣры, смягчилось наконецъ ожесточенное его сердце, и проникло въ душу спасительное раскаяніе; смиренный отецъ прибѣгнувъ къ сыну за новою жизнію и сынъ былъ воспріемникомъ родителя отъ святой купели, банею возрожденія воздавая ему за собственное земное бытіе. Такъ измѣнился духовно порядокъ ихъ плотекаго родства. Скоро спасенный Авениръ скончался въ подвигахъ благочестія.

Тогда блаженный Іоасафъ, довольно послуживъ Богу въ мірѣ просвѣщеніемъ своего царства, хотѣлъ еще служить Ему въ пустынѣ. Тщетно вельможи и народъ умоляли его оставаться на престолѣ. Влекомый жаждою уединенія, онъ избралъ имъ достойнаго Царя, и самъ устремился къ инымъ подвигамъ. Плачущій народъ весь день слѣдовалъ за нимъ на пути къ пустынѣ, но съ солнечнымъ закатомъ исчезъ навѣки отъ него Іоасафъ. Долго скитаясь по безлюднымъ мѣстамъ, открылъ онъ наконецъ вертепъ наставника своего Варлаама, и одною молитвою потекла жизнь обоихъ, доколь юноша не воздалъ послѣдняго долга старцу. Одинокій труженикъ еще многіе годы подвизался послѣ него въ пустынѣ,

какъ нѣкій Ангель охраняя предѣлы своего царства, промѣнявъ Индійскую корону на вѣнецъ нетлѣнный.

Размышляя о великомъ отреченіи Іоасафа, я воротился отъ Игумена въ тѣ самыя келліи, гдѣ другой царственный искатель уединенія, приходилъ на время облегчить душу обремененную мірскимъ величіемъ. Здѣсь въ Августѣ 1818 года, благочестивый Императоръ Александръ два дня удивлялъ своимъ смиреніемъ самыхъ отшельниковъ Валаама. Оставивъ въ Сердоболѣ свиту, съ однимъ лишь человѣкомъ приплылъ онъ вечеромъ въ монастырь. Братія, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Не смотря на поздній свой пріѣздъ, ранѣе всѣхъ посѣщилъ онъ къ утрени въ соборъ и смиренно сталъ между иноками, отказавшись отъ царскаго мѣста. Исполненный благочестиваго любопытства, пожелалъ онъ лично видѣть пустынные подвиги отшельниковъ, посѣтилъ всѣ ихъ келліи; съ иными бесѣдовалъ, съ другими молился, и утѣшенный духовнымъ состояніемъ обители, щедро надѣлилъ ее своими милостями. Игумень Іоаннаанъ въ послѣдствіи имѣлъ всегда свободный входъ въ царскія поки. Память кроткаго Монарха священна Валааму.

На слѣдующее утро за раннею обѣднею

увидѣлъ я при мощахъ Преподобныхъ изнуреннаго инока, который казалось съ трудомъ могъ стоять. Мнѣ сказали, что онъ молчальникъ и уже восемь лѣтъ положилъ на себя обѣтъ безмолвія, бесѣдуя только на исповѣди съ духовникомъ; но неизвѣстна причина столь тяжкаго искуса, превышающаго строгій уставъ, оставленный Игуменомъ Назаріемъ своимъ инокамъ. Нынѣ ихъ числомъ до шестидесяти, кромѣ послушниковъ. Я посѣтилъ между ними еще двухъ весьма занимательныхъ: Веніамина, искуснаго механика, коего хитроустроенные часы едва ли не будутъ загадкою для опытнѣйшаго художника, и Гавріила, бывшаго начальникомъ судна въ Американской компаніи.

Сей послѣдній рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о духовной миссіи нашей въ Американскихъ колоніяхъ, которая вся состояла изъ Валаамскихъ монаховъ, и ихъ настоятель Іоасафъ въ концѣ прошлаго столѣтія былъ даже посвященъ въ Иркутскъ Викарнымъ Епископомъ для просвѣщенія Христіанствомъ сего дикаго края. Но возвращаясь въ свою новую Епархію, на Кодьякъ, онъ потонулъ со всемъ кораблемъ на берегахъ неизвѣстнаго острова. Съ его смертію уничтожился Викаріатъ и изъ всѣхъ его спутниковъ одинъ только престарѣлый инокъ Германъ

живеть еще на маломъ уединенномъ островку близъ Колоній, который назвалъ онъ новымъ Валаамомъ. Я также слышалъ отъ Гавріила странную повѣсть объ одномъ изъ сихъ миссіонеровъ Іаковъ, который проповѣдуя Евангеліе Американцамъ, пропалъ безъ вѣсти. Нѣсколько матросовъ занесены были бурей на незнакомый имъ берегъ материка, къ сѣверу отъ колоніи Кодьяка. Дикіе сбѣжались къ ихъ лодкѣ, и хотѣли умертвить; но они, подражая Испанцамъ Колумба, объявили себя безсмертными. Тогда испуганные Американцы отпустили ихъ съ честію, сказавъ имъ: «вы вѣрно братія тому странному челоѣку, котораго еще недавно мы никакъ не могли уморить; онъ обращалъ насъ къ своему Богу, а мы не хотѣли для него оставить многихъ женъ, и привязали къ дереву пришельца, чтобы избить стрѣлами; но уже совсѣмъ мертвый, онъ три раза возставалъ и снова начиналъ убѣждать насъ, доколь наконецъ не отдали мы его на сѣденіе нашимъ сосѣдямъ. Нѣкоторые изъ старшихъ иноковъ Валаама помнятъ, что Игуменъ Назарій письменно былъ о томъ увѣдомленъ отъ своихъ Американскихъ миссіонеровъ.

Я спѣшилъ воспользоваться благоприятнымъ вѣтромъ для обратнаго плаванія. Нѣкоторые изъ монашествующихъ пожелали проводить насъ до устья протока, и лодка уже

готова была отчалить, когда на горь показались опять почтенный Игумень. Онъ шелъ на сѣнокосъ раздѣлять сельскіе труды съ братіею, ибо никто не уволенъ изъ нихъ на Валаамъ; самые схимники работаютъ въ толпѣ молодыхъ послушниковъ, подавая имъ благой примѣръ. Картина сія, истинно трогательная, переноситъ воображеніе въ первобытныя времена иночества, когда вслѣдъ за великимъ Пахоміемъ, отшельники ходили добывать себѣ тростникъ на пустынныхъ островахъ Нила. Меня тронуло благосклонное вниманіе старца, который, опираясь на посохъ, спѣшилъ еще разъ проститься съ нами, и я снова вышелъ на берегъ, чтобы принять его благословеніе. Напутствуемые его молитвою, достигли мы крайняго острова и взошли въ часовню Св. Николая, гдѣ усердные иноки на прощаніе отслужили для насъ молебень Чудотворцу. Всѣ мы были тронуты симъ послѣднимъ знакомъ ихъ пріязни. Разставаясь на той грани, гдѣ для нихъ кончается міръ, я подумалъ, какъ суетны и жалки должны мы были казаться симъ отшельникамъ, которые могли сказать о себѣ:

Моря житейскаго шумныя волны

Мы протекли;

Пристань надежную утѣе чолны

Здѣсь обрѣли;

Здѣсь невечернею радостью полны

Слышимъ вдали

Моря житейскаго шумныя волны !

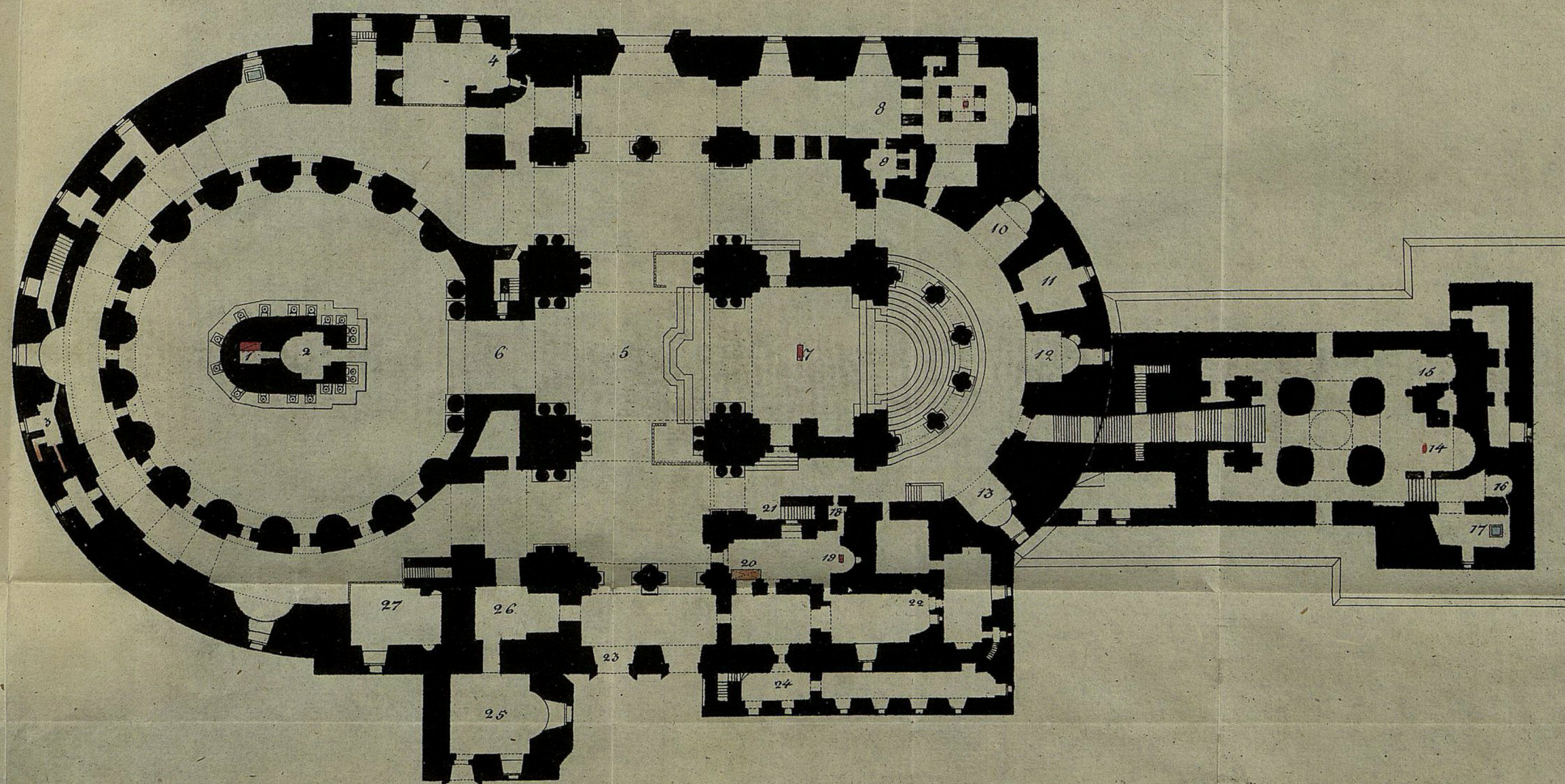
На сей разъ плаваніе наше было счастли-
вѣе, хотя оно продолжалось восемь часовъ.
Не доѣзжая Сердобольскаго залива, мы остано-
вились для отдыха гребцовъ близъ малаго остро-
ва Маргичъ ; и увидѣли на берегу каменный
крестъ съ надписью : здѣсь отдыхалъ Импера-
торъ Александръ въ 1818 году, и нѣсколько
ниже : здѣсь отдыхалъ въ томъ же году Ми-
трополитъ Михаилъ. Читая имена повелителя
Европы и благаго пастыря на пустынномъ
утесѣ Ладожскаго озера, я горько размышлялъ
объ участи всего великаго на земли. Сія ка-
менная надпись служить краснорѣчивымъ эпи-
графомъ Валааму, поясняя отреченіе его ино-
ковъ отъ преходящей славы міра !

1900

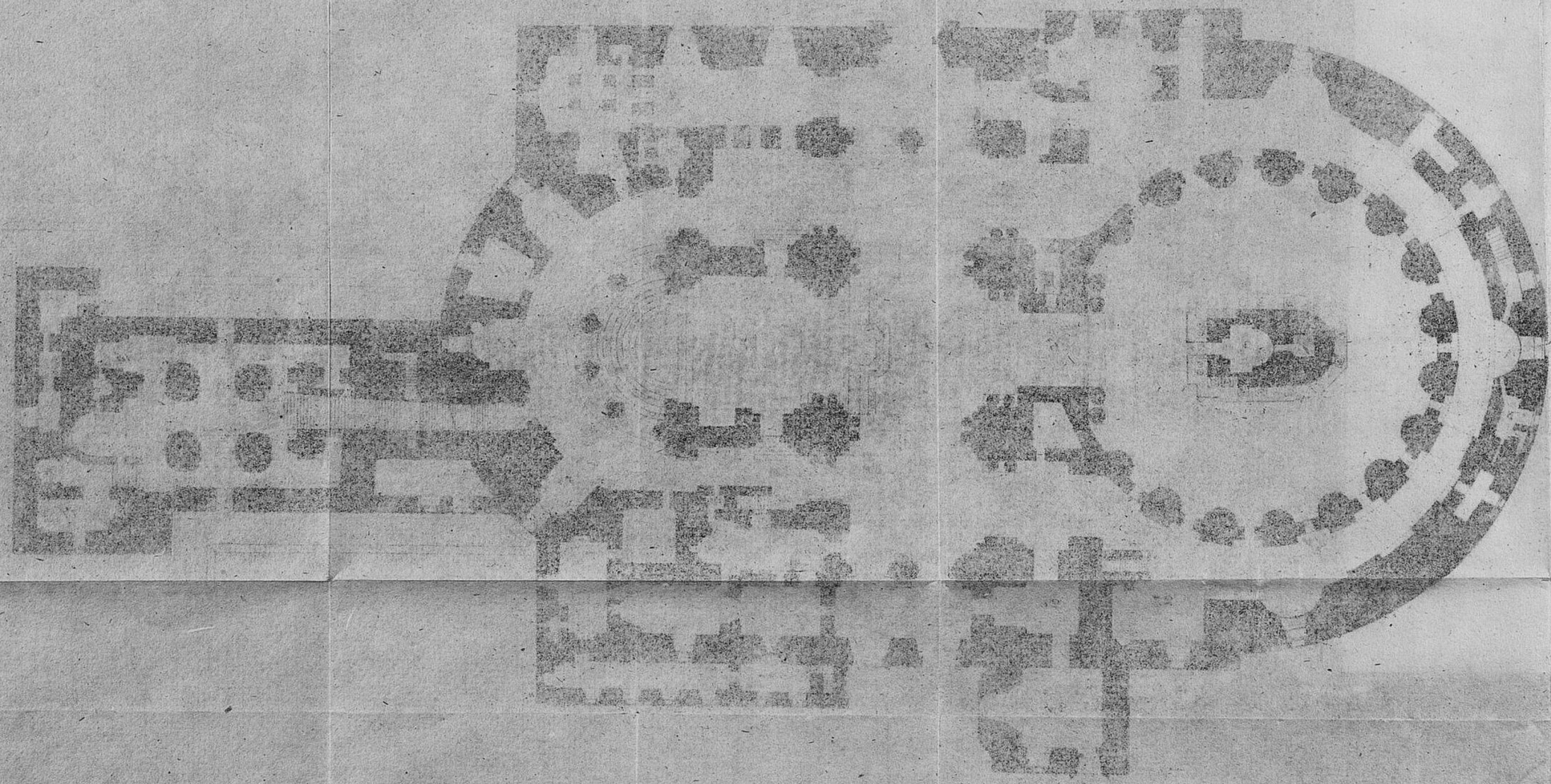
[illegible]

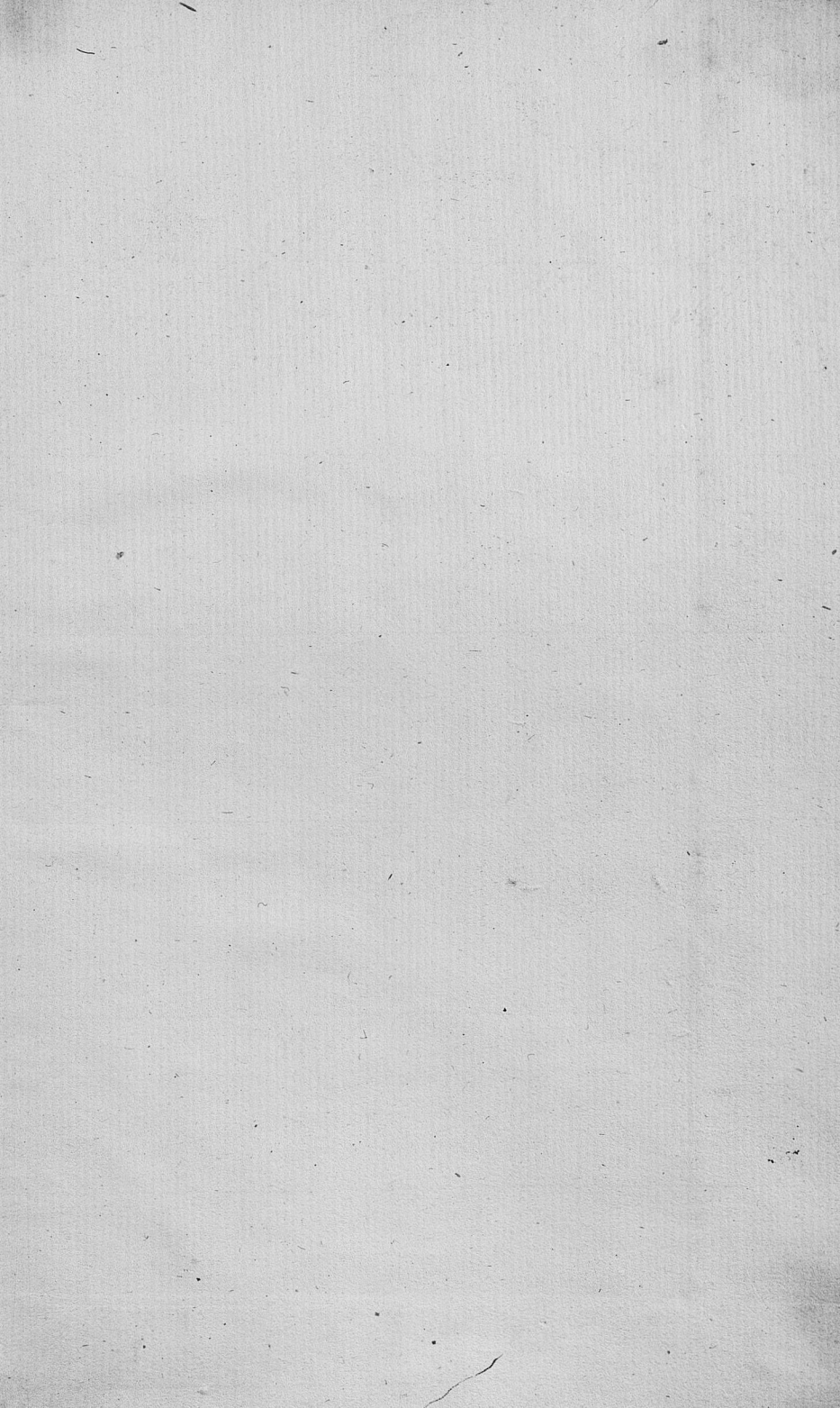
Планъ Нового Иерусалима.

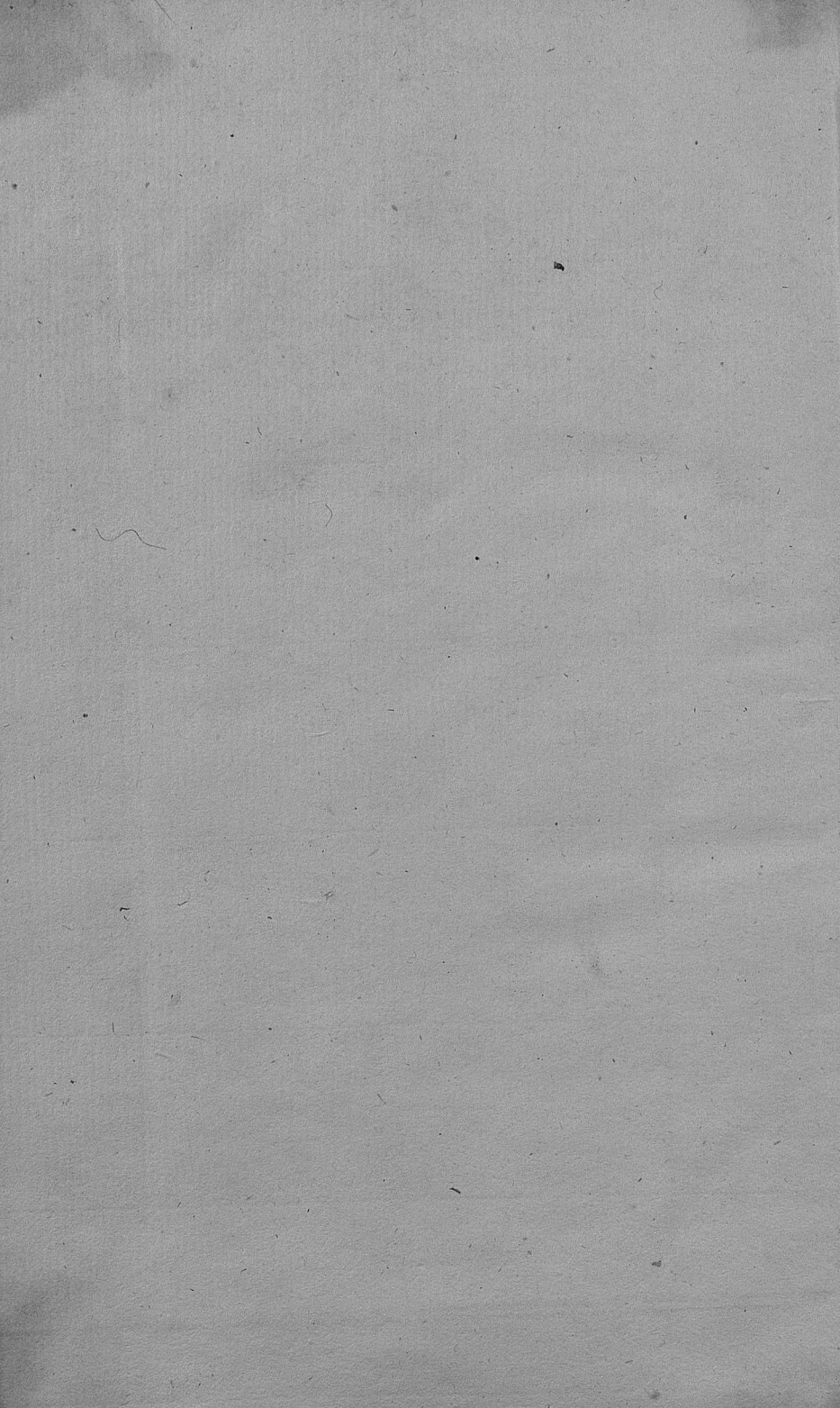

1 2 3 4 5 10 15 20 Саженъ.

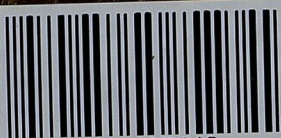
1. Св. Гробъ. 2. Придоль Ангела. 3. Гробы Иосифа и Никодима. 4. Прид. Маріи Магдалины. 5. Соборъ Воскресенія. 6. Царская Арка. 7. Главный Олтарь. 8. Церковь Троицы. 9. Троица Господня. 10. Придоль Логина Сотника. 11. Прид. Св. Андрея Критскаго. 12. Прид. раздѣленія рухъ. 13. Прид. Тернового Вѣнца. 14. Церковь Царицы Слѣны. 15. Прид. утолщенія печали. 16. Прид. Св. Кириака. 17. Колодезь гдѣ обрѣтенъ Крестъ. 18. Троица Предтечи. 19. Церковь Предтечи подъ Голговою. 20. Гробъ Патріарха Никона. 21. Жалостный путь. 22. Прид. Арханг. Михаила и Св. Никона. 23. Святые Врата. 24. Церковь Маріи Есиповской. 25. Колокольная св. Прид. св. Святыхъ. 26. Прид. Св. Николая Чудотворца. 27. Прид. 70^м Апостоловъ.

09.02.14.

2007097612